

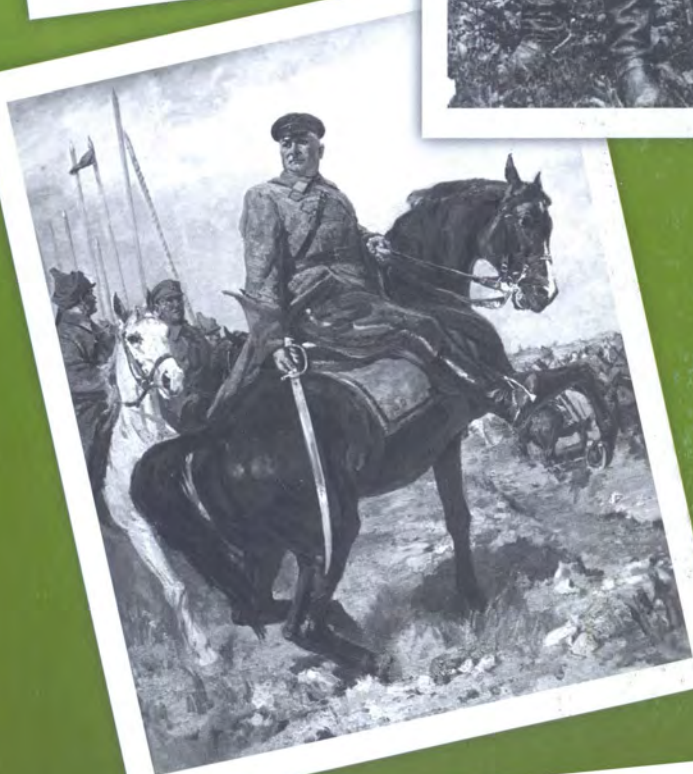
Союз Ветеранов Войны в Афганистане РМ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Михаил Лупашко

БЕССАРАБЕЦ

Михаил ЛУПАШКО

БЕССАРАБЕЦЪ...

Кишинэу • 2012

Историческая фантазия

Авторская версия одного заказного убийства...

По закону памяти...

Память - категория нравственная. Историческая память - необходимое условие выученных уроков истории. Каждому, кто прошел войну или горячую точку, эти уроки очевидны. Ведь войны никогда не заканчиваются. А гибнут в этих войнах, как правило, вовсе не те, кто их развязал. Беспамятство чревато повторением кровавых уроков. Но у памяти есть свои знаки – это имена. Имена тех, кто шел на острие атак.

Сколько раз уже на протяжении и советской истории, и после распада СССР и возникновения на карте мира пятнадцати независимых государств, бывших советских республик, - мы - те, кто прошел от звонка до звонка самую кровавую эпопею времен «развитого социализма», афганскую войну 1979 - 1989 годов, сталкивались с попытками предать забвению, замолчать, скрыть то, что происходило за горами Гиндукуша. Нам отказывали в нашей солдатской памяти и те, чей приказ мы выполняли тогда, повинуясь присяге и долгу, и те, кто пришел им на смену. Но слово памяти оказалось сильнее. Наши песни, рассказы, книги, а потом и фильмы донесли правду об этой войне. И сегодня мы говорим об уроках Афганской войны, об ответственности политиков, принимающих решения открыто и достойно.

Так же открыто и достойно, надо говорить и о событиях, которые легли в фундамент общей нашей истории. Трактовки этих событий не должны закрывать от нас кровавых уроков гражданской войны и борьбы за власть в политических и военных кругах созданного на развалинах Российской империи Союза Советских Республик. Советская историография наполнила этот период мифами, сочиненными в кабинетах идеологического отдела ЦК КПСС. После распада СССР во многих независимых государствах под предлогом борьбы с тоталитарным прошлым на смену советским мифам пришло забвение и замалчивание.

История не прощает таких трюков, какими бы благими намерениями они не прикрывались. Поэтому я рад представить книгу моего друга и настоящего патриота Михаила Лупашко, который взял на себя нелёгкий труд приоткрыть завесу прошлого и честно рассказать нам о том, как же всё было на самом деле. Имя главного героя книги Котов-

ского, несмотря на прошедшие почти девяносто лет с момента, когда произошли описываемые события, все еще на слуху. Хотя, конечно, надо признать, что, в отличие от советского периода, когда о нём было принято говорить исключительно восторженно, сегодня к памяти Котовского пытаются приклеить иные - абсолютно негативные - ярлыки. Фигура же эта, безусловно, знаковая и для Молдовы, и для Украины, и для России. Обладавший несомненным полководческим и организаторским талантом, Григорий Котовский был человеком большого личного мужества. Да, это был безжалостный сын своего кровавого времени, жертвой которого он и пал. Своей книгой Михаил попытался ответить на вопрос: «Почему столь одарённый человек, способный принести пользу обществу, оказался втянут в водоворот побоищ и смертей?».

Ответ, на мой взгляд, прост - общество, пронизанное ненавистью и непримиримостью, разделённое предрассудками и перегородками, иного пути яркой личности предложить не может.

Изложение гибели Григория Котовского в версии Михаила Лупашко безжалостно к мнению тех, кто видит в советском прошлом только сплошной негатив, но также и тех, кто это прошлое старательно покрывает дешёвым лаком.

Я прочел повесть «Бессарабец» с большим интересом и, как мне кажется, это не последняя книга Михаила, стирающая белые пятна в нашей общей истории, такой непростой, но достойной памяти потомков.

Михаил Мокан, Председатель Союза Ветеранов Войны в Афганистане Республики Молдова, кавалер двух орденов Красной Звезды, депутат Парламента РМ.

«Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.

Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь,

Не сожрешь – так сожрут тебя ж.

Нужно вечно держать наготове

Эти руки для драки и краж.

Верьте мне!

Я пришел к вам как друг»...

С. Есенин «Пугачев» (поэма)

«Грабительства одно другого замечательнее следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса...»

А.Пушкин «Дубровский»

По прибрежной Днестровской дороге глухой октябрьской ночью 1923 года, словно вырвавшиеся из ларца Пандоры черные тени, неслись во весь опор две рессорные двухосные брички, называвшиеся в ту пору *тачанками* (см.прим.).

Ездовые хорошо знали этот путь, уроженцы *Левобережья Днестра* (см. прим.), они не раз проделывали его и пешком, так что каждый поворот, подъем и спуск были им знакомы буквально на ощупь. Лихие кони послушно и резво держали аллюр. По берегу стелился зыбкий туман. Днестровские воды, не спеша, убегали вниз к Черному морю.

Вдоль дороги оставались села и местечки. В редких окнах светились плывущие огни керосиновых ламп. Время было скудное – послевоенное.

В одной из тачанок, на заднем кожаном сиденье, под поднятым защищающим от мелкого дождя пологом, положив правую руку на приклад *ручного пулемета системы «Гочкис»* (см. прим.), дремал мужчина мощного телосложения, возраста немногим за сорок.

Это был полноправный хозяин края, командир отдельного кавалерийского корпуса, владелец трех сахарных заводов, сорока мельниц, двух пивоварен, семи колбасных цехов и нескольких ремонтных мастерских, бывший каторжанин, член *Союзного, Украинского и Молдавского ЦИКов* (см. прим.), трижды орденоносец, герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский.

Под вечер в ставке корпуса он дал неожиданный приказ снарядить в путь две тачанки и, оставив на хозяйстве начальника штаба, отправился прибрежной трассой вниз по течению Днестра. Столь внезапная отлучка комкора не обеспокоила подчиненных, которые давно свыкли с его причудами.

В плавнях Днестра у села Чобручи, в известном ему месте, Котовский намерен был увидеться с агентом своей разведки, который через секретную эстафету вчера утром затребовал срочной встречи. Агент был давно внедрен в румынскую службу политической разведки и сообщал бесценные сведения, которыми Григорий Иванович отнюдь не спешил делиться ни с *Особым отделом Одесского Управления ОГПУ* (см. прим.), ни с ЦИКом Украины. Выстраивал Григорий Иванович свою тонкую, но далеко идущую игру. Вот и сейчас в пути обдумывал он план создания молдавской приднестровской автономии, для начала, в составе советской Украины. Его, Григория Котовского, автономии. Далее мыслил Григорий Иванович подсобрать сил и средств и, без помощи *Главкома Фрунзе* (см. прим.), двумя встречными ударами с Севера и Юга, переправившись через Днестр, вышибить румын из Бессарабии и создать свою республику – Котовщину! Дело это было сколь дерзким, столь и опасным. Не нравились планы Котовского партийным бюрократам Украинского ЦИКа. Потому и следил за каждым его шагом особый отдел Украинского ОГПУ. Потому и выехал на встречу Котовский тайно, подальше от глаз вездесущих чекистов.

Этих чекистов-особистов Котовский, мягко говоря, недолюбливал. Комиссаров же в корпус отбирал лично, устраивая им всяческие немислимые проверки, вплоть до подтягивания на перекладине или турнира по французской борьбе с ветеранами корпуса. По странной игре своего живого ума Григорий Иванович ассоциировал сотрудников главного режимного ведомства новой власти с императорскими сатрапами охранного отделения, стражниками каторжных централов и жандармскими ротмистрами, к которым, со времен многочислен-

ных погонь, захватов и отбывания срока в каторжной тюрьме, он испытывал лютую ненависть. При этом Григорий Иванович во многом новую власть поддерживал и даже писал в некоторых анкетах, что с 1905 года являлся чуть ли не сторонником партии большевиков. Однако в глубине души он тяготился той угрюмо диктаторской составляющей, которая стала все более проявляться в действиях людей, поднявших в октябре 1917 валявшуюся на улицах Петрограда верховную власть в бывшей Российской Империи.

Большевиком же Григорий Котовский никогда не был, трудов Карла Маркса и его друга Энгельса не изучал. Так, на досуге прочел как-то две брошюрки по экономической теории неистового трирского немца в переложении Георгия Плеханова. Зато повесть Пушкина «Дубровский» знал Григорий Иванович чуть ли не наизусть и где-то глубоко-глубоко в душе полагал себя тем самым благородным дворянином, вставшим на путь справедливого разбоя, если разбой вообще бывает справедливым. Впрочем, о таких мелочах Григорий Иванович задумываться не привык. Он и в самом деле происходил из дворян польской ветви захудалого шляхетского рода Котовичей. Отец его, неплохой мастер паровых машин, переменял фамилию на Котовский.

Семье надо было жить в условиях имперской политики по отношению к инородцам, коими власти из Петербурга полагали и жителей Царства Польского. От отца унаследовал Котовский могучую физическую силу, административный и предпринимательский таланты. Мать Григория умерла очень рано, так что рос он практически сиротой. В подростковом возрасте лишился и отца, который, ремонтируя заглохший паровой котел, залез в неостывшее чрево и, взмокнув на холодном осеннем сквозняке, упал, сраженный жесточайшим воспалением легких. Мальчика родственники отдали на полный пансион в казенное Кукурузенское сельскохозяйственное училище, директор которого, милейший Василий Ефграфович Киркоров, стал Грише вторым отцом, приучив мальчика к тяжелому ветеринарному труду и привив неистребимую тягу к хорошим лошадям. И стать бы Григорию со временем преуспевающим заводчиком лихих бессарабских табунов. Но нет!

Как говорят французы, в начале любой трагедии ищите женщину. Молодой красавец управляющий влюбился в жену хозяина имения. Не совсем как у Пушкина в «Дубровском», но страсти были еще те. Встречи, пылкие объятия. Ревнивец муж. Драка с челядью. Избитого

и связанного Григория холопы помещика вывезли и бросили ночью в глухой бессарабской степи. Он выжил и через какое-то время, вернувшись в имение, прилюдно, с одного удара правой рукой отправил помещика прямиком на тот свет. И вот тут уж началась бурная, порой мистическая биография легендарного бессарабского партизана Григория Котовского.

Биография, в которой было все. Налеты, схватки, погони, красивые женщины, одиночные камеры, кандалный звон бесконечного этапа, дикий холод рудников Нерчинска, сумасшедшие деньги и казино в Одесской Аркадии, смертный приговор, фронт, кавалерийские атаки, маршальские лампасы и политические амбиции. И были, конечно, широкие жесты, которыми Котовский снискал всенародную популярность в этом своеобразном и щедром крае от Одессы до Черновцов. Это и была его мини-империя. Империя Григория Котовского.

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 1.

«Конь, ружье и вольный ветер...»

Утро этого дня в Кишиневском тюремном Замке начиналось как обычно.

В пять ноль-ноль дежурный надзиратель открыл крышку своего никелированного «Павла Буре», любовно пробежал взглядом по широкому как блюдце циферблату и объявил: «Подъем!». Тут же по сводчатым коридорам пенитенциария, пропахшего кислыми портянками, человеческим потом и химическими дезинфекторами, понеслось: «Третья камера – подъем! Четвертая – подъем!!! Двадцатая – подъем!!!»

В переходах загремели замки локальных кованых перегородок, дежурные арестанты потащили к помойной яме камерные параша.

На пищеблоке вольнонаемные повара разожгли в огромной плите огонь и сообща водружали на нее вместительные чаны с утренней баландой. Шустрый хлебобрез в арестантской робе, кося левым глазом, под присмотром тюремного старшины, на плоской доске принялся нарезать пайки, согласно с нормой содержания арестантов в тюрьмах Бессарабской губернии, Высочайше утвержденного регламента.

В камере за номером 32, где находились подследственные по уголовным и мошенническим статьям, раздались покашливания, нача-

лись потягивания, кряхтение и натужное пробуждение людей, упрямых за решетку. Рослый щеголеватый арестант, которого, несмотря на молодость, все сокамерники уважительно называли Григорий Иванович, легко прыгнул с верхних нар и с неудовольствием подумал, что камера слишком тесна и плохо проветриваема для того, чтобы проделать привычный комплекс утренних упражнений.

- Надо будет на прогулке выполнить разминку Мюллера, силовые тяги доктора Мрожека и несколько упражнений бокса-борьбы по Жуанвильской методе, - решил Григорий и, присев за дощатый стол, поинтересовался:

- А что, господа арестанты, не испить ли нам чаю?

- Для вас, Григорий Иванович, всегда пожалуйста! – услужливый шнырь из мелко-уголовных уже принял от сопровождаемого надзирателем кухонного дежурного здоровенный чайник.

- Испейте, Григорий Иванович! Для вас старались, заваривали, как вы просили, – шнырь ужом вертелся вокруг стола, подкладывая Григорию баранки и кусковой сахар.

- Хорошо служишь, – начальственно произнес, отхлебывая чай, Григорий, – выйду отсюда, вознагражу.

- Так мы всегда рады! – встрепенулся шнырь и, подобравшись ближе, шепнул Григорию на ухо так, чтобы не заметили другие арестанты, угрюмо ожидавшие на своих шконках, пока пахан-здоровяк закончит чаепитие:

- Сегодня на прогулке будьте готовы...

- На все воля божья, - вполголоса ответил Григорий, допивая чай.

- Хороший нынче денек для прогулки, – со значением произнес шнырь и добавил: – Ну что, господа-уголовнички, Григорий Иванович позволяют отведать чаю от щедрот своих...

- Давай, братва, налетай, – небрежно взмахнул рукой Григорий, приглашая сокамерников к столу.

- Камер-ры! На прогулку т-овсь!!! – понеслось по галереям замка.

Загребели замки на дверях камер. Разминая затекшие спины, из воющих помещений в сторону тюремного двора потянулись воры, грабители, аферисты, конокрады, картежники и редкие политические из кишиневских еврейских интеллигентов.

Двор тюремного замка заполнили арестанты. Одни из них, раздевшись до пояса, грелись на солнышке. Другие резались в карты. Неко-

торые, присев на корточки, застыли в позе ожидания, смоля самокрутки.

- Э-эх! – прикрикнул Григорий, выйдя из тесного проема локальной двери. Пожилой стражник с лязгом захлопнул решетчатую станину...

- Втора вышка слева, – как бы невзначай обронил он в спину выходившему Григорию.

- Фоаие верде бусуйок (лист зеленый васильковый, [молд.]) – пропел тот и левой рукой резко бросил за спину комок плотной бумаги. Подобравший его надзиратель во мгновение ока скрылся в тени тюремного коридора. Развернув комок, он удостоверился, что это, как и было обещано, десятирублевка и прошептал:

- Ну, помогай тебе бог, Гришка!

Выйдя на середину двора, Григорий сбросил пиджак и сорочку и принялся старательно наклоняться и приседать, сопровождая движения резкими вдохами и выдохами. При этом он то и дело поглядывал в сторону второй смотровой вышки у левой стены, возле которой высилась огромная поленница дров.

- Ха! – услышал он вдруг за своей спиной, – глядите-ка на этого клоуна! Ты че это, бычара, тут цирк устраиваешь?

Трое уголовных авторитетов - Згеря, Бешенный и Кричун вышли на середину двора и нагло уставились на вспотевшего от усердия Григория.

- Отвали, мразь парашная! – не прекращая движений, обронил Григорий.

- Ты слышал?! - истошно завопил Кричун, обращаясь к Згере. – Этот фраер нюх потерял!

- Режь его, фраера! – тут же привычно заорал Бешенный, подталкивая Згерю в спину.

- А, гнида, получи! – выкинул вперед руку с ножом Згеря, привычно ожидая, как лезвие воткнется в податливую мякоть подбрюшья. Уголовный инстинкт приучил его, что жертва такого, отработанного годами отсидок, удара мгновенно скрючивалась, падая на бок или на колени. После оставалось либо ограбить, либо добить. Как правило, второе случалось после первого. Но не тут-то было... Рука уголовника, сжимавшая нож, провалилась в пустоту. Рослый, и на первый взгляд грузный, Григорий пружинисто отклонился ровно на столько, чтобы коварный удар не достиг цели, и в тоже время расстояние, остающееся после смещения, позволило ему выбросить вперед кулак пра-

вой руки и чудовищной силы ударом уложить Згерю наповал. Нож слабо звякнул, выпав из ослабевшей руки. В следующую секунду Григорий громко взревел: «Бей уголовных сук!» И мощным взмахом своих ручищ столкнул лбами Бешеного и Кричуна, оторопевших от внезапной гибели подельника.

Мелко загремевшие за воровство крестьяне и картежники, вдохновленные столь скорой расправой со своими обидчиками - тюремными авторитетами, кинулись избивать их подручных. По двору понеслись вой, крики, ругань. Часовой на первой вышке выстрелил в воздух. По тюремным коридорам загрели сапоги надзирателей. На второй вышке часовой снял фуражку и перекрестился. Григорий, накинув пиджак на голое тело, прикрикивая и подбадривая дерущихся, в два прыжка оказался у поленницы дров.

– Не поминай, ребята, – крикнул он напоследок и ловко добрался до самого верха и легко преодолел, подтянувшись на руках, последний пролет вышки. По-хозяйски шагнул на площадку, Григорий сказал:

- Привет Петрович, мне вниз!

Конвойный, бросив карабин к его ногам, взмолился.

- Пару раз в морду, Григорий Иванович, у меня ж трое мал-мала!

- Ох, и не любите же вы себя, стражнички-опричнички! – усмехнулся Григорий и левой в мгновение ока расквасил охраннику нос.

– У Шныря не забудь получить долю! – напомнил он свалившемуся на бок стражнику и, подхватив карабин, с пролета на пролет спрыгнул на внешнюю сторону замковой стены. В это же время по брусчатой мостовой Садовой улицы к самой стене подкатил лакированный фаэтон, запряженный лихими конями. Григорий оттолкнулся от края стены и, смахнув десяток черепиц, не выпуская карабина, соскочил прямехонько на заднее сиденье фаэтона. Лошади испуганно прянули.

- Ай, мама дракулуй! (Ай чертова мама! [молд.]) – закричал смуглый похожий на сарматского вождя ездовой, – Ештъ аич, (Ты здесь, [молд.]) Григорий Иванович?

- Давай, фрате Штефан, (брат Штефан, [молд.]) жарь, жарь!!! – заорал Григорий.

- Ай бине, ай фрумос!!! (Ай хорошо, ай красиво, [молд.]) – захохотал ездовой, выгоняя коней на пыльный суглинок улицы Широкой.

- Адский побег атамана адского! – во всю глотку гаркнул Григорий, когда фаэтон, словно колесница аттического Ахилла, промчался мимо застывшего со свистком в зубах городского....

АРХИВ 1 :

Циркулярная телеграмма жандармским офицерам на пограничных пунктах и начальнику Одесского охранного отделения о побеге Г.И. Котовского и принятии мер для задержания его.

№2726 2 (1 СЕНТЯБРЯ)

31 августа из Кишиневской тюрьмы бежал опасный политический преступник, балтский мещанин Григорий Иванов Котовский, 23 лет, роста два аршина, семи вершков, глаза карие, усы маленькие, может быть без бороды, под глазами маленькие темные пятна, физически очень развит, походка легкая, скорая, боязливая. Установите самое бдительное наблюдение за появлением бежавшего. В случае появления немедленно арестуйте и препроводите (под) усиленным конвоем в Кишиневскую тюрьму.

За директора Харламов

Репортер Жорж, уроженец Кишинева, поклонник французской борьбы и бильярда, еврейский юноша в светло-серой костюмной паре, добывал на лязгающей, как буксы литерного поезда «Одесса – Санкт-Петербург», печатной машинке «Remington» сенсационный материал в номер.

Кишиневский родственник Жоржа, поставщик разного рода провизии в тамошний тюремный замок, прикатив намерен в Одессу на поезде, сообщил родне захватывающие дух подробности дерзкого побега некоего арестанта по фамилии Котовский.

- Вот, Майорчик! – захлебываясь, рассказывал Жорж своему приятелю, начинающему портовому сутенеру Зайдеру Майорчику. – Этот Котовский по слухам суций бестий, или бестия? Кстати, как правильно?

- Жоржик, утомил! – Майорчик нетерпеливо загасил в бронзовой пепельнице папироску. – Бестия, шместия, какая разница! Нас девочки ждут. Рая, Розочка – это же конфетки, а не девочки. Давай, давай скорее...

Майорчик подошел к окну и с высоты третьего этажа поглядел с удовлетворением на стоящий у парадного экипаж с двумя хорошенькими одесскими кокотками. Вряд ли мог он предположить тогда, что услышанное в кабинете редакции популярной газеты имя станет для него роковым знаком судьбы...

- Так, Майорчик, я на минуту к редактору. Сейчас же и едем! – Жорж выпорхнул из кабинета.

Думал ли этот мечтающий о всероссийской газетной славе одесский репортёрчик, что пройдет каких-нибудь двенадцать-тринадцать лет, и он будет служить под началом человека, о котором сейчас, потяя и сопя, сочинил гвоздевой материал в текущий номер задиристой черноморской газеты.

- Так, посмотрим-с! – пробежал взглядом редактор начало корреспонденции.

«Тюремная администрация и полиция весь день 31 августа тщетно искали бежавшего *enfant terrible* из Кишиневского тюремного замка, знаменитого атамана разбойничьей шайки «коммунистов-террористов», долго державшей в осадном положении Оргеевский и Кишиневский уезды, бывшего воспитанника агрономической или сельскохозяйственной школы, Котовского. Дважды уже были обнаружены сделанные под руководством Котовского подкопы под тюрьмой и предупреждено было бегство его и товарищей по шайке. Однажды он бежал в сообществе 17 товарищей, обезоружив надзирателей и стражу, через ворота, открытые отобранными ключами, но сам Котовский и большинство бежавших с ним были задержаны. На этот раз, кажется, Котовский исчез окончательно».

- Bravo, юноша! – довольно выдохнул тучный редактор и, наморщив лоб, выдал начинающему репортеру пять рублей.

- Премного благодарен! – почти прокричал Жорж, выбежав от редактора.

- М-да! Молодежь! – покачал головой газетный капитан, не так давно еще и сам носившийся как стриж по всяким кафешантанам. Впрочем, удачная женитьба на достойном приданом быстро укротила пылкий норов завязтого одесского ловеласа.

- Интересно, - подумал он. – Когда полиция изловит этого, как его там? Котовского... Да, лучше бы не сразу. Интересный тип этот, как его, Котовский. Полиции – забота, нам - новостишки, публике – забава! Лучше бы не сразу изловили.

Газета «Одесские новости» опубликовала эту заметку 2 сентября 1906 года. Тираж разлетелся в полчаса! С этой публикации началась газетная карьера Жоржа, продолжавшаяся до 1916 года, когда он был мобилизован старшим санитаром лекарско-фельдшерской команды на Румынский фронт.

АРХИВ 2: «Легендарный Гриша»

- Чем дальше, тем больше выясняется своеобразная личность этого человека. Приходится признать, что название «легендарный» вполне им заслужено. Котовский как бы бравировал своей беззаветной удалью, своей изумительной неустрашимостью.

В то время, как имя этого разбойника было на устах у всех чинов местной полиции, Котовский, живя по подложному паспорту, вполне равнодушно разгуливал по улицам Кишинева, просиживал часами на веранде местного «Робина» (дорогое кафе [прим. ред.]), занимал номер в самой фешенебельной местной гостинице, посещал театры и другие увеселительные заведения, часто сталкиваясь как раз с теми чинами полиции, которые его знали, но не узнавали.

Однажды Котовский, посетив еврейский театр и занимая место в первых рядах, завел с соседом разговор о последнем налете в Кишиневе. Одна из дам, сидевших за Котовским, заметила своей знакомой:

«Этот господин поразительно похож на Котовского, о котором с таким увлечением рассказывают»

«Но ведь Котовский христианин, как же он может посещать еврейский театр?»

Получив такой ответ, дама успокоилась, а Котовский, слышавший эти слова, спокойно продолжил свою беседу.

Однажды местный участковый пристав К.М. Хаджи-Коли, в свое время арестовавший Котовского, очутился рядом с ним в соборе среди молящихся.

«Знакомое лицо», - промелькнуло у Хаджи-Коли в голове, и он старался припомнить, кто это и где он его видел. Но невозмутимое спокойствие Котовского его не выдавало, и пристав его оставил.

Однажды пристав одного из станов Кишиневского уезда Полтораднев, получив распоряжение изловить Котовского, поручил это дело отряду стражников. В имении Бардар, куда в поисках Котовского прибыли стражники, пристав Полтораднев учинил им «разнос» (за то, что они его плохо ловят). А между тем в двух шагах от пристава и стражников стоял сам «искомый» и равнодушно улыбался. Когда же пристав удалился, Котовский сам предложил стражникам свои услуги в деле поимки Котовского.

Во время одной из облав, после налета, один из сыщиков, застав Котовского в чайной, предложил ему предъявить свой паспорт.

«Господь с вами, за кого вы меня принимаете?» - заметил важно Котовский сыщику, и последний удалился.

Котовский проявлял редкую отзывчивость. Он щедро помогал бедным. В имении, где он служил управляющим, его очень ценили как опытного и знающего человека и относились к нему с большим уважением.

В начале войны Котовский решил было поступить в армию добровольцем, но из опасения выдать себя этим шагом отказался от этого решения.

Каким устрашающим гипнозом являлось для каждого имя Котовского видно из того, что он на днях напал на дороге на помещика Атанасиу, которому он себя назвал, тот отдал грабителю не только деньги, но имевшийся у него заряженный револьвер, который и был найден у Котовского при аресте.

Газета «Одесские новости» 30 июня (13 июля) 1916 года №1010

АРХИВ 3: АВТОБИОГРАФИЯ

«...Меня спешно высылают в так называемую образцовую каторжную тюрьму Николаева. Одиночный режим в течение двух с половиной лет с прогулкой 15 минут в сутки и полной изоляцией от живого мира. На моих глазах люди от этого режима гибли десятками, и только железная воля и решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасла меня от гибели. Потом Смоленская каторжная тюрьма, Орловская и, наконец, Сибирь: Нерчинская каторга, работа в шахтах и побег оттуда зимой в 1913 году, причем мной были убиты из отнятого револьвера два конвоира, охранявшие наверху выход из шахты. Тайга...

Тысячи верст – Благовещенск, Чита, Иркутск, Томск и его общество землемеров землеустроительной комиссии. Явки, паспорта, нелегальная жизнь...

Потом европейская Россия. Работа на Волге в качестве грузчика. Чернорабочим на постройках и в помещичьих имениях. Кочегар на мельнице, помощник машиниста, кучер, разлищик и рабочий на пивоваренном заводе, молотобоец, рабочий кирпичного завода, рабочий на постройке железной дороги....

«Наш паровоз вперед летит...»

В 1920 году железнодорожное сообщение на территории бывшей Российской империи осуществлялось в основном бронепоездами. Красные, белые, зеленые и прочие идейно-обозначившиеся вооруженные люди, на броневых платформах, оцетинившись пулеметами, постреливая из трехдюймовых артиллерийских орудий, перемещались по железным дорогам, загодя отстроенным при проклятом царизме российскими инженерами и пролетариями. Гражданская междоусобица обозначила центры силы: в лице большевиков, распространявших из захваченных в октябрьском 1917 года перевороте бывших столиц Петрограда и Москвы беспощадные длани пролетарской диктатуры; белого движения, сформированного в ледовом походе генералами Корниловым, Деникиным и Алексеевым, с самостоятельной веткой восточного направления, объединившего корпуса бело-чехов, и сформированного при поддержке американцев воинства Верховного Правителя Сибири и Поволжья адмирала Колчака, к двадцатому году уже расстрелянного. А кроме этого, националистические правительства Украины, Кавказа, Прибалтики и Средней Азии. На Дальнем Востоке - Советская Демократическая Республика, сателлит большевистского правительства Москвы, напирала на режим братьев Меркуловых, обосновавшихся во Владивостоке под защитой казачьих отрядов атамана Семенова и Японского экспедиционного корпуса...

Далеко не ясно было то, как и когда вся эта смута закончится. И то, кто в этой беспощадной кровавой свистопляске окажется могильщиком, кто плакальщиком, а кто победителем.

Зимой двадцатого года, в декабре месяце, по некогда оживленному железнодорожному пути из Москвы в Екатеринослав, мимо разоренных сел и местечек, делая небольшие остановки на узловых станциях, двигался необычно большой для того времени состав. Резвые спекулянты-мешочники, деклассированные бродяги, дезертиры, бандиты, оборванцы-беспризорники, толкущиеся вблизи импровизированных блошинных рынков возле станций, с удивлением наблюдали явление немалого поезда с мощным крейсерским паровозом, предвараемым блиндированной платформой, набитой вооруженными людьми.

ми при одном орудии и четырех пулеметах, и четыремя штабными вагонами. Сей необычный состав продолжали двенадцать столыпинских теплушек типа «сорок человек или двенадцать лошадей». По прибытии на главный путь из состава вываливала толпа вооруженных до зубов наглых типов, которые отгоняли за территорию станции всех любопытствующих и лишних. Затем из штабного вагона номер три неспешно на перрон выходил рослый мужчина во френче с орденом Красного Знамени при шашке и маузере в накинутаой на могучие плечи роскошной медвежьей бекеше. Выслушав доклад о зачистке станции от контрреволюционных элементов, мужчина благосклонно кивал головой и уходил в здание вокзала к телеграфисту. Отправив депешу в Москву, он также неторопливо обходил станционное хозяйство, сопровождаемый встревоженными и напуганными смотрителем вокзала, инженером депо и, если случалось, секретарем местной большевистской ячейки.

Как правило, все, что требовалось для продолжения движения состава на Екатеринослав, отыскивалось (даже при том жесточайшем дефиците всего и вся) тут же, без проволочек. Решив все хозяйственные вопросы, мужчина распоряжался, чтобы в зале ожидания были накрыты столы, к которым подавался холодец из конины и забористая картофельная самогонка. После этого в зал приглашались упомянутые выше ответственные лица, некоторые особо наглые типы из третьего и четвертого вагонов и небольшой духовой оркестр. Под вальсы Штрауса и самогонку мужчина вел душевные беседы на темы разрухи, кровавых щупальцев Антанты и перспектив диктатуры пролетариата.

Провожая состав, изрядно выпившие станционные восхищенно перешептывались:

- Надо же! Сам Котовский! Победитель Юденича! Орденосеи, с мандатом самого Троцкого на Екатеринослав отбыл. Знать, сильна власть большевиков, ежели такие орлы ей служат!»

На одном из сложных перегонов, когда паровозная команда ушла поднабрать в ближайший лесок дровишек, подгоняемая злым декабрьским ветром состав нагнала дрезина.

- Кто такие? – строго спросил окоченевших от холода пассажиров часовой замыкающей состав теплушки.

- Я – военврач, Ольга Шанская. У меня мандат из штаба РККА в бригаду Котовского. А это мои помощники - фельдшер Кацман и инфекционист Мечников.

- Эй, там! – заорал часовой сквозь портяночно-махорочный чад теплушки. - Сообщите в штаб. Тут врач из штаба фронта – баба! А при ней чи - финкцинист, чи - какой другой хрен с бугра!

- Поздравляю, Ольга Петровна! – побледнел инфекционист – Приехали... Как бы не расстреляли...

- Будет вам... – перебил Мечникова фельдшер Кацман, – тут командует Котовский, он не расстреляет, он ценит людей образованных.

Вскоре к дрезине подбежал чернявый малый в перехваченном ремнями полушубке. Под мышкой у него была зажата початая бутылка с мутной жидкостью.

- Кто тут доктор? Вы? – с ходу спросил он. И, не дождавшись ответа, достал из кармана граненый стаканчик. – Сейчас согреетесь, а потом в третий вагон. Григорий Иванович ожидают!

- Кто такой Григорий Иванович? – спросила Ольга Петровна, наблюдая, как ловкий малый наполняет стаканчик мутноватой жидкостью.

- Так то наш командир. Орел! Сами увидите! Пейте! – протянул стаканчик малой.

Ольга Петровна смущенно запнулась.

- Пейте, Ольга Петровна. Пейте! – зашипел Кацман.

Военврач взяла застывшей в варежке рукой гранённый стаканчик. Понесла к губам, зажмурилась и вытянула содержимое с непередаваемо напряженным выражением лица.

- Ого-го-го! – только и смогла выпалить она.

- Крепка самогонка! – засмеялся порученец. - От так и рука Григория Ивановича - крепка!

Он налил еще по стаканчику спутникам Ольги Петровны и передал бутылку двум железнодорожникам на дрезине.

- Это вам, братишки, от Григория Ивановича на обратный путь. Чтоб не померзли пролетарии!

- Вот, спасибо! – всплеснули руками железнодорожные рабочие, - нам бы еще стаканчик?

- Свой найдётся, – усмехнулся резвый малый. – Нынче стекло в цене, бьется потому что!

- Ну и ладно! – согласились ребята с дрезины. - Помогай вам Бог и третий интернационал, а мы поехали.

- Давай, пролетарии! – махнул рукой порученец и, обращаясь к медикам, добавил, - А вас в третий вагон. Прошу!

От перелеска, весело переругиваясь, паровозные вместе с комендантским взводом тащили распиленные стволы акаций.

- Скоро поедем! – заметил малой и указал рукой вперед к голове состава.

Вдоль теплушек пробежали резво. В вагонах сквозь не до конца сдвинутые створы дверей видны были огни буржеек. Кое-где, свесив ноги, покуривали бойцы.

- Что же тихо так? Не пьют, что ли? – поинтересовался Кацман.

- Ни Боже мой! – засмеялся порученец – На походе ни капли! Григорий Иванович в миг голову снесет. – Это он, узнав о вашем прибытии, распорядился поднести. А так ни Боже мой!

В третьем штабном, некогда роскошном, вагоне коммерческого ресторана, в просторном салоне горели свечи и был накрыт на скорую руку стол. Штабные карты и прочую подобную утварь отнесли на боковые столики. Было тепло, но ощутимо сквозило через оконные щели. Навстречу поднявшимся в вагон вышел высокий мужчина в синей гусарской куртке с орденом в красном банте. Он был широкогруд и обрит наголо. За его спиной угадывались силуэты нескольких фигур в поношенных френчах.

- С прибытием! – громко сказал мужчина и, протягивая каждому из вошедших руку, представился: «Котовский Григорий Иванович – комбриг».

- Прошу к столу! – пригласил он всех широким жестом. – Верхнюю одежду лучше не снимать. С-сквозит.

После того как прибывшие закусили не бог весть чем и к столу подали большой самовар, Котовский, внимательно разглядывающий всю тройку медиков, сказал:

- Почаевничаем!

- Надеюсь, вы понимаете, к-куда прибыли?» – задал он всем троим общий вопрос. Отогравшаяся Ольга Петровна, как старшая по должности, заметила: – Нам предписано Штабом фронта прибыть для несения медицинской службы в Отдельную кавалерийскую бригаду особого назначения под командованием Котовского. Мы прибыли, а вы до сих пор даже не проверили наших мандатов.

- А вы бдительная, – улыбнулся Котовский, и вся тяжелая строгость встречи растворилась в его белозубой улыбке. - Это хорошо. А проверить, мы проверим. Проверим вас в деле. Предстоят бои за Киев, а там дальше Одесса. Так что не беспокойтесь.

- Если позволите! – подал голос осмелевший Кацман.
- Ну? Что у вас? – поинтересовался Котовский.
- Привет вам велел передать Иосиф, аптекарь из Дубоссар, – подобо-
бострастно улыбнулся Кацман.
- Вот тебе на! – обрадовался Котовский. – Иоська! Хороший человек
– вылечил меня, помню, от простуды в один день! Как он там, жив ли?
- Когда передавал поклон год назад, был жив, – ответил фельдшер,
- а сейчас...

- Н-да, война, штука жестокая... – помрачнел Котовский, – Ну, что
ж, давайте знакомиться.

Раздался паровозный гудок. Вагон дернулся, всех сидящих за сто-
лом тряхнуло.

- Ну, вот сейчас и поедem! – обрадовался Котовский. – Вас как зо-
вут? – обратился он к Ольге Петровне.

За окнами вагона темными сгустками ветвей и мерзлых стволов
проносились перелески. Желтое пятно луны зыбко отражалось в за-
мерзших запрудах.

За столом у остывшего самовара сидели Котовский и Ольга Пе-
тровна, все остальные ушли спать по своим купе. Разбитной малый-
порученец, завернувшись в длиннополый тулуп, обняв ручной пуле-
мет, примостился на груди агитационной литературы в тамбуре.

Тускло чадила свечка, по стенам вагона метались лиловые тени.
Покачивало.

- Знаете, – сказала военврач, – вот так зимой 1916-го мы ехали в
санитарном поезде под Перемышлем. Боже, какая там была бойня!
Поезд переполнен, тяжелые умирали один за другим. Утром на стан-
ции мы увидели бесконечные колонны пленных: австрийцы, венгры,
чехи. Тысячи, тысячи пленных. Казалось, это победа! Все только и го-
ворили: *генерал Брусилов* (см. прим.) герой, победитель! А потом все...
Все рухнуло – и фронт, и страна... Теперь вот едем брать Киев.

- В 16-м меня схватили царские каратели, – отозвался Котовский.
– Я ведь к вашему сведению бунтовщик, анархист был. Разбойник-
экспроприатор. Ну, это долгая история. Вы откуда будете родом, не с
юга, не с Новороссии? Ну, тогда вряд ли слышали. Даже приговорили
к виселице. Да! Да! А вот генерал Брусилов, кстати, приговор этот от-
менил и отправил меня на румынский фронт в команду смертников.

Командовал нами brave офицер Дроздовский (см. прим.). Слыхали? Отчаянный был командир, но монархист до мозга костей. Мы с ним в этом сильно расходились...

Но ко мне он относился уважительно, даже к «Георгию» представил.

Ну а потом революция в Петрограде, большевики, Ленин, Троцкий. Фронта не стало. Я собрал вокруг себя отчаянных фронтовиков-бессарабцев и тряхнул-таки Кишинев. К-когда бы не румыны, всей армией тогда навалившиеся, был бы я, дорогой мой военврач, Ольга Петровна, главой небольшой, но очень симпатичной Республики, Народной Молдавской Республики и тогда бы мы, точно не встретились.

- Что ни делается, все к лучшему, - улыбнулась Ольга Петровна.

- Вы так думаете? – Котовский внимательно посмотрел ей в лицо и продолжил, - А Дроздовский меня в 1918-м сильно выручил. У Днестра под Дубоссарами дело было. Есть такой городок - местечко гостеприимное весьма. Да, так вот, у меня, как я вам уже доложил, был отряд небольшой. В отряд этот влился и сброд всякий: матросы, дезертиры, анархисты, та еще публика. Они потом все к Махно ушли. Но своих приднестровских и бессарабских партизан я сберег, они все со мной нынче – отчаянные ребята! Мы сильно румынам досаждали. Сначала румыны нас потрепали под Кишиневом. Потом мы им дали под Дубоссарами. Ну и они подтянули артиллерию, пару полков. А тут Дроздовский со своей офицерской группой из-под Ясс на Дон шел. Я ему и сдался для вида. Он нас для порядка разоружил. И через румын провел на восток. Потом мы с ним поговорили, выпили на посошок. Он звал с собой, но я отказался. Чего ради мне за ту монархию воевать? Я, знаете ли, сам себе монарх!

- Смотри, Григорий, не ошибись! – сказал мне тогда Дроздовский, – Россия это империя, а империи без монарха не быть! А все остальное – чушь собачья, выдумки интеллигентов.

И он ушел к Корнилову на Дон, а я подался гусарить в Одессу. Много чего было, пока я к большевикам прибил. Теперь вот комбриг, орденосец.

- Кстати, - Котовский подлил чаю, – как вас такую самостоятельную муж на фронт отпустил?

- Я была замужем. Но он умер. - Ольга Петровна глубоко вздохнула.

Котовский встал, взялся за спинку стула и быстро, почти не заикаясь, заговорил.

- Ольга Петровна, дорогой мой военврач! Тут у нас не бестужевская студия. Я понимаю, Вы врач... Видели уже войну. Но сейчас другое время. Женщине одной, да еще в боевых порядках, нельзя никак. Народ-то какой, дикий, необузданный. Я вам так скажу: вы милая, умная, красивая. Защитить вас смогу только я. Давайте поженимся. Кто знает, надолго ли? Война ведь. Живем одним днем. Да что там, одним часом! А там как карта ляжет. Слюбимся! А, Ольга Петровна? Бог даст, все будет хорошо. Я вас не обижу, ей-ей! А моим головорезам укорот будет. Вы же видели, что это за публика. Башибузуки!

- Ну, вы вообще, Григорий Иванович! Это же кавалерийская атака просто! – изумилась Ольга Петровна. Она посмотрела внимательно на Котовского и добавила:

- Хорошо, я подумаю.

- Отлично! – обрадовался тот. - Но думайте быстро. Я отчаянный. Убьют, и пропадет мое предложение.

- Не убьют! До свадьбы точно не убьют! – засмеялась она.

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 3:

«Торжество ненависти»

Когда в степи сходятся две конных лавы, небо темнеет, как перед надвигающейся грозой. Лица всадников каменеют от ненависти. Идет навстречу врагу тысячное конное войско, и ветер дерзкими вихрями носится и кружит, кружит между курганами, над которыми ястребы чертят в звенящем воздухе большие круги. И такая уверенность, такая сила чувствуется в этом движении, что, кажется, дрогнет противник, не устоит, едва увидит над курганным горизонтом поднимающийся лес пик и знамен. Дрогнет и повернет...

Но не повернет, не побежит назад враг. Так же уверенно, закинув за спины карабины, гонят своих коней обозначенные врагом люди. Идут они вперед, чтобы в смертном бою измерить силу и величину своей ненависти.

Ковыль-трава послушно пригибается под ударами тысяч подкованных копыт. Мерная поступь эскадронов гулко отзывается-отдается на многие километры вокруг. Парят как заговоренные знаки-обереги над строем конников знамена, флажки и штандарты. Щетинятся ста-

лью пики, позвякивает амуниция. Опытные рубаки подмигивают новобранцам, в глубине души прощаясь с ними. Выжить в предстоящей рубке у новичка шансов мало.

Котовский привстал в стременах и оглядел строй бригады. Восемь сотен отборных всадников. Добрые кони били копытом и нетерпеливо поводили головами.

- Братья! – громко выкрикнул комбриг. - Впереди враг!

Он указал рукой к поросшему дикой акацией краю широкого поля. Там под черными значками боевых штандартов выстроилась конная дивизия известного белого партизана, прирожденного головореза и погромщика *Булак-Балаховича* (см. прим). Темнели плотные ряды казаков, бывших петлюровцев-гайдамаков и прочей охочей до вольной жизни и отчаянной рубки публики.

Котовский подумал о том, что с флангов его бригаду прикрывают пулеметные взводы, в тылу наготове два усиленных тачанками эскадрона резерва. На случай подхода вражеской пехоты, артиллерийский дивизион загодя пристрелялся к проселочным дорогам. Все было на месте и все ждало начала атаки. На секунду он вспомнил о жене и улыбнулся. Санчасть, как и положено по фронтовому распорядку, в полуверсте от боевого порядка, прикрыта комендантским взводом.

- Б-б-бригада! – во все горло заорал Котовский. – Сметем эту белую сволочь к чертовой матери!

Сотни отозвались одобрительным гулом.

- Трубач! – комбриг махнул рукой. – Труби атаку!

Резанул ухо и растаял на краю поля трубный призыв.

У балаховцев тоже началось движение. Заколыхались сотни пик. Послышался стук копыт и бряцание оружием.

- Хороша будет рубка, – решил Котовский, ощущая бодрящий зуд в руке.

- Д-давай, ребята! – комбриг тронул коня.

Едино выдохнув, бригада как один человек в восемь сотен лошадиных сил ускоряющим шагом пошла вперед.

- Ну, с Богом! – подумал Григорий Иванович и, как всегда перед большим делом, мысленно перекрестился.

С мелкой дробной рыси сотни перешли на ровный и уверенный полугалоп. Хищно шелестя сталью, вылетели разом из ножен шашки. Всадники, чуть свесившись из седла, привычно опробовали руку и

плечо. Прищурены глаза и затянуты ремни фуражек. Каждый скок приближает вражескую лаву. Вот уже можно различить лица с потными, упавшими на лбы чубами, выбивающимися из под козырьков фуражек и сбитых на затылок папах.

– Бей!!! Р-р-рууби!!! У-уурааа!!! – Исступленно ревут тысячи глоток.

И вот сшиблись... Сошлись, ударили друг в друга из наганов и карабинов... И понеслось... Свист клинка... Одиночные выстрелы... Хрип... Ржанье... Лязг железа... И не вянет рука и не зудит плечо, привычно вынося отточенный клинок.

И повалились, пали в ковыли, срубленные на скаку парни. И понесли в строю кони без всадников. И потянулись к небесам мимо удивленных коршунов души убиенных, крещеных и не крещеных, православных и католиков, магометан и атеистов...

И закружила вместе с ястребами над полем сечи кровавой сама го-спожа ненависть, торжествуя, собирая жатву обильную.

Самых гордых и отчаянных, самых ловких и годных для сшибки гонит ненависть под клинки, под шашки таких же отчаянных, но об-уянных иной страстью, не терпящих и не терпеливых, жаждущих пере-менить все и сразу...

Потом песенники и сказители назовут павших - героями. Оно так и есть: в степи в сшибке гибнут герои. Им дана ненависть сечи...

Даже мертвые, побежденные, павшие в сече в степи «срама не имеют»!

Подлецам же, трусам и подонкам от века дана иная форма ненави-сти. Ненависть уголовная, ненависть насильника. Ненависть погро-мов... И пока лучшие, но нетерпимые, рубят друг друга в чистом поле, вдали от битвы ратной, торжествует ненависть погромная.

Растекается эта ненависть подобно ядовитой вонючей жиже по улочкам городов и местечек, и в потных ладонях каменеют рукояти мясницких ножей и топоров. И врывается в дома и лавки озверелая толпа, круша, убивая и насилуя. В кровавой круговерти гражданской войны вдоволь было ненависти всякой...

Но особенно отметилась ненависть погромная в городах и местеч-ках южной и западной Украины.

« Семь сорок »

Когда человек спешит, это нормально.

Вся человеческая жизнь это сплошная беготня и спешка, то за красивыми женщинами, то за деньгами, то за отходящим поездом...

Спешить свойственно всем людям...

Ведь можно не успеть, и тогда пройдут мимо и женщины, и деньги, и поезда. Так что спешка - это удел человеческий. Не очень мудрый и правильный, но удел. Поэтому, заведя спешащего человека, никто, как правило, не удивляется.

Другое дело, когда спешит человек уважаемый, знающий цену и деньгам, и женщинам. Человек, которого обычно терпеливо ждет даже паровоз...

Увидишь такого и понимаешь - это неспроста!

Солидный человек, негоциант и ростовщик Мойша Бершадский спешил на важную встречу. И не просто, заметьте, спешил - он летел по мощеным булыжником улочкам местечка. Не отвечая на приветствия прохожих, не останавливаясь у цирюльни Шварцмана, не обмолвившись с самим Шварцманом ни словечком. Всем, кто знал Мойшу, это было удивительно и страшно.

В этом местечке все знали Мойшу, да и сам он знал многих. Эти многие были ему должны, причем давно и уже навсегда. Мойша был деловой человек и очень не любил революции. Он помнил, что, начиная с девятьсот третьего года, каждая революция приносила еврейству погромы и страхи. С семнадцатого года погромы стали регулярными. Громили петлюровцы, сечевые стрельцы, хлопцы атамана Струка, банды Григорьева, потом пришли поляки и тоже громили.

Евреи местечка ждали красных, поскольку известно было, что главный комиссар Реввоенсовета в Москве Троцкий - еврей. Это давало некую надежду на то, что погромы прекратятся. После поляков в двадцать первом пришли красные. Погромы не прекратились...

Вчера пришли тревожные вести из Любара. Растерзанные, еле живые беглецы сообщили: « Красные казаки из конной дивизии Апанасенки устроили погром абсолютно что те же петлюровцы или поляки ».

В местечко, где проживал деловой человек Мойша Бершадский, этим же днем вошли конники Котовского. Среди еврейства он слыл защитником и человеком, понимающим, откуда берутся деньги.

Напуганный вестями из Любара, Мойша спешил на встречу с Котовским.

Во втором этаже гостиницы Шприцмана в бильярдной набилось народу не протолкнуться.

Котовский в расстегнутом френче прогуливался с кием на плече вокруг большого бильярдного стола.

- Знаю, господа еврейство, что вам есть что-то мне сказать? – начал он без предисловий.

Еврейство – уважаемые местечковые граждане в черных сюртуках -переглядывались и толкались. Не определились еще, кому слово говорить.

-Ладно, - Котовский улыбнулся. – Послушаем, покуда вы соберетесь с мыслями, музыку. Жоржик, заводи шарманку!

Начальник агитотдела бригады Жорж кивнул, подошел к воодруженному на столик граммофону и положил на диск пластинку.

-Господа и граждане, послушаем музыку! – объявил он торжественным голосом. - Фрейлехс! Граммофонная запись осуществлена «Собственным оркестром общества Зонофон», 1903 год и называется «7:40».

Граммофон загудел, прокашлялся и выдал:

«В семь-сорок он подъедет,

В семь-сорок он подъедет

Наш старый, наш славный,

Наш айцын паровоз...

Пока граммофон изошрялся на разные лады Котовский прохаживался вдоль бильярдного стола, время от времени, отправляя шары в лузу.

...Он выйдет из вагона

И двинет вдоль перрона,

На голове его роскошный котелок.

В больших глазах зелёных на Восток

Горит одесский огонёк».

- Люблю Одессу! – громко сказал Котовский и добавил, - так что вы имеете мне сказать?

Жоржик остановил пластинку. Граммофон обиженно зашипел и смолк.

Мойша Бершадский вышел вперед и, прищурившись, то и дело оглядываясь на соплеменников, произнес не очень уверенно.

- Мы хотели поговорить с вами, Григорий Иванович, за погромы.

- Хотели, так говорите!

Котовский по-хозяйски уселся в большое барское кресло хозяина заведения. Мойша помялся и затараторил как пулемет.

- Ведь это же понятно было, когда нас, трудовых евреев, – Котовский хмыкнул, – громили по заказу проклятого Николашки черносотенцы, потом нас громили петлюровцы. Это тоже не новость... Поляки – яснее ясного. Так всегда было. Как поляки, так погром! Но вот когда нас стали громить красные бойцы товарища, простите, Буденного, это нам совсем непонятно. В Любаре...

Котовский резко встал.

- Я знаю, – остановил властным жестом руки говорившего.

- Погромов, пока я команду, тут не будет! Слово Котовского! Но и вы, уважаемые, должны понять, что бригаде трудно. Бои, атаки, нервы на пределе. Бойцы пооборвались, оголодали. Надо помочь провиантом, обмундированием, особенно обувью. Немного денег тоже не помешает. Тут все изложено.

Он достал из кармана френча лист бумаги.

- Здесь список всего, что нужно бригаде сегодня! – он посмотрел в глаза Бершадскому. – Погромов не будет. Я же дал слово. А это слово я умею держать.

- Я понял вас. Мы поняли вас, – обрадовался Мойша и передал список по рукам.

Еврейство загудело, прикидывая, кто чем поможет пооборвавшейся бригаде красных конников.

Внезапно Котовский объявил:

- Прошу всех во двор.

Царской поступью он спустился вниз. Еврейство, толкая друг друга, последовало за комбригом.

Внизу было тихо. Толпились несколько зевак. Прижатые к стене спешенным эскадроном Штефана Няги, стояли десятка полтора людей.

- Так то ж погромщики! – выдохнул обувщик Шаймес, едва вырвавшийся вчера из Любара.

- Да, вы правы, это бывшие красноармейцы Таращанского полка, захваченные моими бойцами. Я уже отправил донесение в штаб армии товарищу Ворошилову, - так, чтобы все слышали, отчетливо произнес Котовский.

- А теперь вы увидите, как карает революция отступников, мародеров и погромщиков. Властью мне данной, – Котовский сделал паузу, – народом и революцией объявляю этих подонков вне закона!

Один из захваченных погромщиков повернул голову:

- Жидов защищаешь! Эх, Котовский! Котовский! – закричал он тонким сорванным голосом.

- Молчать, тварь! – взревел Григорий Иванович. – Д-детей и женщин рубить... это как?!

Он презрительно сплюнул и скомандовал:

- Эскадрон, товсь!

Заклацали затворы... Ударил залп. Пули с визгом сбили штукатурку со стены.

- Этих сегодня же похоронить в общей могиле! – указал Котовский на трупы погромщиков

- И чтобы к утру все, что я подал в списке, было готово. Ясно? – спросил он потрясенное увиденным еврейство.

- Ясно, ясно! – отвечал за всех Мойша Бершадский. - Ну что стоите? - замахал он на вспотевших соплеменников в черных сюртуках. – Давайте скорее, надо все сделать, что Григорий Иванович велел!

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 5:

«Классовая солидарность против национальных чувств»

Классовая солидарность, по мнению «Демона русской революции» Льва Троцкого (см. прим.), была фактором намного более сильным чем, скажем, национальные или патриотические чувства. Именно в классовой солидарности видел Лев Давидович мощный резерв распространения мировой революции. Именно так мечтал сын херсон-

ского плантатора Давида Бронштейна развить марксистскую теорию о классовой борьбе, как о движущей силе человеческой истории. Да и сам Лев Давидович место в этой истории себе наметил немалое, ведущее, прямо скажем, место. Незаурядный организатор, великолепный оратор, безжалостный гонитель духовенства и патриархального крестьянства товарищ Троцкий в революцию снискал славу немалую, да и успехи советской власти не устал пропагандировать и в красной печати, и в зарубежных, симпатизирующих большевикам, изданиях. Масштабен был товарищ Троцкий и планы у него были грандиозные.

Однако, вопреки взятой им за основу теории «перманентной революции», вступление красных частей на территорию Польши отнюдь не привело к восстанию пролетариата Лодзи и Кракова. Напротив, угроза разгрома польской армии сплотила все слои общества недавно обретшей долгожданную независимость страны. *Мощный лидер, бывший социалист бомбист экспроприатор, а ныне националист Пилсудский* (см. прим.) возглавил страну, добившись от Сейма полномочий диктатора. Небывалый патриотический подъем и прямая военная помощь со стороны Франции дали импульс контрнаступлению на флангах растянувшихся с востока на запад армий *Тухачевского* (см. прим.). Пилсудский ликовал и без устали давал интервью иностранным корреспондентам на фоне трофейных красных знамен и многотысячных колонн военнопленных. Дошедшие почти до пригородов Варшавы отряды Красной армии оказались в окружении.

АРХИВ 4:

Варшава, 23 августа, сообщение для прессы...

В результате перегруппировки польских войск были сформированы два фронта: северный под командованием генерала Халлера (Haller) и центрального под командованием маршала Пилсудского. Войска генерала Халлера достигли линии Млава-Пжасныш (Mława-Przasnysz) и развивают наступление на Остроленку (Ostrolenka). Войска маршала Пилсудского весьма успешно провели обходной маневр. На данный момент взято в плен 35 тысяч человек и захвачено 200 орудий.

СТАТЬЯ в «THE TIMES» от 24 АВГУСТА 1920 ГОДА

«...35000 пленных. 200 орудий захвачено...»

Наступление польской армии продолжается и войска красных, сосредоточенные к северу от Вислы, в настоящий момент, судя по всему, блокированы. Поляки восстановили контроль над железной дорогой Варшава-Данциг и ведут преследование большевиков вдоль границы с Восточной Пруссией. Красные поспешно отступают в восточном и северо-восточном направлении от Варшавы; они официально признали потерю Брест-Литовска. По неподтвержденной информации поляки заняли Белосток, расположенный на дороге, ведущей к Гродно.

Красные терпят поражение на обоих флангах.

Давление на Лемберг ослабл.

(От нашего собственного корреспондента)

Копенгаген, 23 августа

Согласно сообщению, полученному сегодня из Варшавы и опубликованному в газете Berlingske Tidende, северная армия большевиков, потерпевшая поражение под Цеханувом (Ciechanow) [в направлении железной дороги Варшава-Данциг], не позволила полякам себя окружить. Однако путь к отступлению в восточном направлении проблематичен из-за польского наступления на Белосток, который, по неподтвержденной информации, уже занят поляками. Сообщается также, что в Галиции большевики тоже отступают, несмотря на то, что их конница пошла в наступление в направлении западнее Львова. В сводке, полученной из Вены, говорится, что отступление красных произошло в результате контратаки польских войск, нанесшей серьезный удар по коннице Буденного.

Reuters

Падение Брест-Литовска

Передаем официальное сообщение польской стороны от 21 августа:

«Брест-Литовск снова перешел в наши руки. Мы продолжаем боевые действия в направлении Бельск-Белосток [севернее Брест-Литовска].

Ситуация в районе Львова (Лемберга) [Восточная Галиция] развивается в нашу пользу. На участке фронта в районе Хрубешува (Hrubieszow) и Хелма (Chelm) [Юго-Восточная Польша] активность врага подавлена.

В настоящее время наши войска вышли на линию Цеханув-Пултуск-Малкия-Гранне-Семятыче (Ciechanow-Pultusk-Malkinia-Granne-Siemiatycze)». [Эта линия идет прямо от железной дороги Варшава-Данциг в северо-западном направлении от Варшавы до железной дороги Седлец-Бельск (Siedlec-Bielsk), проходящей к востоку от Варшавы; о продвижении польских войск на северном направлении уже говорилось в процитированном официальном сообщении.]

Америка предостерегает

Вашингтон

Правительство Соединенных Штатов передало Польше неофициальное заявление через американского поверенного в делах в Варшаве и предупредило эту страну о том, чтобы в ходе контрнаступления польская армия не пересекала границы этнической Польши.

Reuters

Визит Троцкого в Германию. Организация поставок оружия

Касаясь причин недавнего визита Троцкого в Восточную Пруссию, корреспондент сообщает:

«Отступление Красной армии от самых ворот Варшавы объясняется отсутствием у русской стороны боеприпасов. Именной этой причиной объясняются все отчаянные, но неудачные попытки захватить город во время последнего штурма. Троцкий предвидел проблему снабжения войск боеприпасами и действовал, исходя из этой ситуации, но, к сожалению, для советской стороны, он опоздал. Он направился в Германию и договорился с правительством Германии о поставках – и они уже было начались – боеприпасов в Россию. На оплату поставок этих боеприпасов частично пошли советские ювелирные ценности, в том числе сокровища империи. Советы намеревались использовать эти сокровища исключительно для ведения пропаганды на востоке, но в силу обстоятельств возникла необходимость передать часть ювелирных ценностей Германии, которая настаивала на оплате наличными».

Вторая цель визита Троцкого состояла в том, чтобы не допустить отправки боеприпасов в Польшу. Для этого он заплатил немцам в Данциге всё теми же сокровищами. В окрестностях Зольдау (Soldau) зафиксирован факт торговли оружием в больших объемах между большевиками и немцами».

«Наступление закончилось»

Вестовой Семен Ужа гнал своего доброго, взятого из-под убитого гайдамацкого сотника коня с устным приказом штаба Юго-Западного фронта комбригу Котовскому о немедленном отходе и прикрытии пехотных частей армии Егорова, разбегающихся и сдающихся в плен под ударами конно-моторизованных польских групп. В бригаде знали, что там, где не пролетит птица и не проскочит мышь – проскользнет лихой вестовой. Ужом проползет. На то и фамилия Ужа. Хорошая фамилия, трудовая. Отец Семена всю жизнь погонщиком волов на Чумацком шляху оттарабанил. Справедливый был мужик, мать не обижал, да вот сгинул во время Японской войны в Порт-Артуре. Жизнь тогда Семену много лиха показала: и скорнячил он в подмастерьях, и у бондаря бочки клепал, и в кузне горбатился в дыму и саже, покуда не призвали его в 1914-м в драгунский полк. Там и обнаружился у парня талант вестового-разведчика. Два «Георгия» за войну взял Семен, трижды был ранен. Мечтал на службе остаться в учебной команде кавалерийской Императорской школы. Так бы оно и было. Но грянула революция в феврале 1917-го, и все куда-то покатилося, посыпалось - и Император, и фронт, и школа. А потом и вовсе круговерть неописуемо страшная пошла...

Не сразу стал Семен красным конником в бригаде Котовского. Поначалу примкнул он, было, к *гайдамацкому воинству Симеона Петлюры* (см. прим.), но, насмотревшись зверств *сечевых стрельцов* (см. прим.) во время погрома в Шепетовке, застрелил сотника Чупыру, да и был таков. Прихватил, правда, оружие и трех лошадей в придачу. Вскоре прибилсЯ он к отступающей от Тирасполя и Одессы южной группе красных под командованием *Ионы Якира* (см. прим.). Там и свел знакомство с Григорием Ивановичем. Ходил с ним на генерала Юденича, по Царскому Селу гарцевал, в Петрограде побывал. Город, какой огромный! тогда Семену страшным показался. Да и голодно было, и лошадям бескормица. Спасибо Григорию Ивановичу, голова светлая, оттого и в бой, поевши, шли, и лошадям фураж он находил, и в наградах скуп не был. Заслужил орден – получи! За разведку и взятого офицера из штаба Юденича с пакетом, указом ЦИКa Республики Советов был Семен Ужа Краснознаменным орденом пожалован.

А вестовым от был от бога: чувствовал дорогу, по ветру врага чуял, по открытой местности сломя голову не неся. Перелеском, проселочком, овражком, а там и на большак и во весь опор! Без сна и еды обходился подолгу. Настоящий степняк! Казак диких сарматских кровей! Ноги в стремях, повод в правой руке, карабин с патроном в патроннике в левой, шашка сбоку, наган в кобуре, нож за голенищем сапога. И две гранаты к тому же. Попробуй такого взять, когда он с левой руки - с десяти метров! - из кавалерийского карабина в туза пулю шлет!

Коня своего доброго Ужа, понятное дело, гнал что есть мочи, но гнал его, все же бережно, по-хозяйски. Давно известно - не тот быстр, кто ломится без руля и ветрил, а тот, кто вовремя прибывает. А Ужа всегда вовремя прибывал и даже раньше времени, случалось, в штаб поспевал. От этого и повидал он многое. И на все свое суждение имел. Не так чтобы уж сильно он красным сочувствовал или, не дай бог, в большевики стремился, но понимал умом своим крестьянским Семен, что большевики-то властью своей непреклонной сильны, а всякие там классовые теории вестового Ужу не интересовали.

Много удивительного, страшного и смешного повидал на своем боевом веку вестовой. Многих он видел и всяко-разных начальников. И таких, как исступленно бешеный петлюровский полковник Костыш, и надменно холодных, беспощадных к врагам власти Советов, как красный комдив Якир, и яростно убежденных в правоте марксизма, как комиссар-чекист Стучка. А вот таких начальников-командиров, как Григорий Иванович, комбриг Котовский, еще не встречал.

Гнал Ужа коня, а мысли в голове так и вертелись:

«Это же чудо, а не человек! Строгий? Да! Что есть, то есть! Если, где мародерство или что похужее узнает-увидит, сам наган достанет и «П-по закону революционного времени, п-приговор властью данной революцией» исполнит, будь ты хоть трижды герой или любимчик командира. Но вот душевный же человек! И расспросит, и поможет, и поспорит, если надо. И ведь даже когда поспорит чего, (а и комбриг всего на свете знать не может), подойдет и скажет: «Держи, Семен, сукна на штаны» или сапоги новые, а один раз кинжал черкесский подарил. Всегда отметит заслуженно и сказать при всех не побоится, дескать: «Убедился, Семен, что в нашем споре о том, как быстро эскадрон этот проселок пройдет, ты прав оказался!». А ведь не всякий на-

чальник воинский на такое решится! Тут он большим, настоящим начальником быть должен, от бога начальником».

Яростен в бою был Григорий Иванович, в рубке сабельной коридоры за собой оставлял из тел порубленных. Чудеса творил комбриг шашкой - кони еще неслись, а всадники уже под копыта валились.

Вестовой по роли своей воинской, если в бою - раз тебе приказ дан, так хоть в самом пекле командира отыщи и передай точно слово в слово. А когда не в бою, то быть должен рядом со штабом. Хочешь-не хочешь, а всякого навидишься и наслышишься! То дверь приоткрытой оставят, а то, порой, лаются так, что за три версты слышно.

В штабе бригады один раз довелось Семену стать свидетелем сцены, когда в ярости Григорий Иванович под стол самого Якира загнал. Было так: доложил Ужа все чин по чину, и только выходить, как в дверь Якир и парочка комиссаров, и давай на Григория Ивановича давить, что мол, бойцы бригады обобрали склады на станции. Дескать, трибунал военно-революционный, расстрел всем грозит. А чтобы похорошему вышло, надо вернуть все, что вынесли...

Котовский их слушать не стал, комиссаров выкинул из вагона, Якира зарубить хотел, комдив только лишь под стол успел нырнуть. Потом уже штабные набежали, жена опять же Григория Ивановича, врач, в крик: «Гриша, не надо!». Оттащили, спасли *комдива Якира*. А и то ясно было - Котовского ребята станцию взяли, а комиссары подвод нагнали, и со складов давай вывозить все подряд. Котовцы им плетей всыпали, погнали к чертовой матери. Ну, а те к комдиву Якиру, доносить. А он Григория Ивановича не шибко жаловал, терпел больше. Вот и вышла стычка. Мог вполне товарищ Якир и сгинуть под ударом Котовского, надвое развалил бы Григорий Иванович комдива. Но оттащили. Ужа и сам кинулся тогда помогать. Зачем комбригу пропадать, засудили бы чекисты-особисты. Вот был такой удалой *командир Думенко* (см. прим.) и что? Расстреляли...

Эх, разные они, эти начальники. Что у красных, что у белых, что у петлюровских. А Григорий Иванович справедливый начальник и за то Ужа за него готов в огонь, так в огонь, в воду - так в воду!

А напраслину слушать или наветов всяких Григорий Иванович не любит. Вот и каторгу прошел во время оно - «за справедливость».

Или вот нынче в штабе фронта стал Ужа свидетелем событий странных и печальных. Кормил он овсом Орлика своего у вагонов

штаба фронта. Вокруг на станции народ тыловой мечется, суета, слухи: «Поляки прорвали фронт!», «Повсюду войска бегут!», «Тухачевского не найти!». Ужа на это только посмеивался. Пару месяцев назад он видел, как резво поперли вперед крестьянские полки в буденовках, набранные наспех, не умением, а числом, массой продавили польские позиции и давай, давай - «На Варшаву!». Это у них - на Западном так было, у Тухачевского. А на Юго-Западном, на Львовском, там, где Первая Конная и котовцы бились, там иначе: уланы насмерть стояли, и всякая белая гвардия, непонятно как у поляков оказавшаяся, тоже не сдавались. Ох, рубка была! За каждый метр бились, за каждый!

И вот, значит, видит Ужа, что подкатывает броневомобиль и еще какое-то ландо с верхом. Оттуда как повылазили и Уборевич (см. прим.), и комиссар Стучка, и еще какие-то чины в кожанках, а потом сам Тухачевский выбрался. Куда только командирский лоск подевался? Угрюмый, небритый, шлем со звездой помят. Не узнать командарма. Толпой все полезли в вагон. Без субординации.

- Худо дело! – решил Ужа.

Тут вскоре его зовут, приказ сообщают. Он под козырек и ходу. А в соседнем купе дверь приоткрыта и голос вроде как Уборевича, с укоризной и не иначе как самому Тухачевскому: «Что же ты, Миша? Как же так! Сутки потерял, бездействовал! Ведь надо же было к войскам пробиваться. Черт побери! На лошади, на машине, на аэроплане! Спасать надо было армию, личным примером поднять полки, возглавить прорыв. Не выходило к нашим, надо было в Пруссию прорываться. Немцы же тебе не чужие. А то ведь катастрофа! Чего молчишь, командарм? Что Троцкому расскажешь?» Дальше Ужа не слышал...

Ответил ли Тухачевский Уборевичу, нет ли, то не вестового ума дело. Обратной дорогой уже прищучил вестовой польского мотоциклетчика. Аккурат, из оврага выбирался. Слышно тарахтит чего-то по дороге. Ужа из своего карабина (см. прим.) приложился, да и вдарил - мотоциклетчик в кювет и сковырнулся. То, что польский рассыльный в нашем тылу разъезжает, а на дорогах следов от копыт кавалерии польской видимо-невидимо, показалось Семену дурным знаком. Спешно обыскал он посыльного, пакет вынул, очки мотоциклетные взял, маузер хороший с кобурой деревянной. Гранатой мотоциклет рванул, перекрестился и снова в путь. Ночью прикорнул на пару часов в седле, и с рассветом как птица долетел до штаба бригады.

Доложился Григорию Ивановичу лично, рассказал, что видел, что слышал. Помрачнел комбриг, обнял вестового, велел идти, да быть при том наготове. Ну, об этом и сам Ужа понимал. Вскоре понеслось из штаба, засобирались полки, обозы. Медсанчасть первой ушла с учебным эскадром. Тут и разведка сообщила: справа и слева поляки, впереди первая конная Буденного и штаб Юго-Западного фронта во главе с Егоровым и Сталиным пробиваются, потери несут. Сзади корпус генерала Краевского подходит, того гляди на спину бригаде сядет. Так это наступление и закончилось...

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 7:

«Божья гора»

По небу уныло текли с Востока на Запад свинцово-серые тучи. Мрачный, прокопченный, в изодранной венгерке, Котовский с импровизированной смотровой площадки в бинокль осматривал окрестности Божьей горы. Сюда, на этот торчащий неподалеку от Кременца, поросший деревьями и кустарниками бугор отступающую бригаду загнал втрое превосходящий противник – отборный уланский корпус генерала Краевского.

- В этих краях по осени растительность рыжевато-бурая, как цвет местной самогонки, – заметил Григорий Иванович, – От, мама дракулуй! (чертова мама [молд].)

Котовский взял начальника штаба за плечо:

- Ты подумай только. Ведь уже немного осталось. Вот-вот, и вошли бы во Львов. Так нет. Этот гвардейчик Тухачевский просрал дело под Варшавой. Не верь после этого слухам, что не просто так он в семнадцатом году у немца из плена ушел. Точно агент Антанты! Ох, худо дело!

- Дело дрянь!

Начштаба, бывший деникинский подполковник из корпуса *генерала Барбовича* (см. прим.), лихой рубака, едва держался на ногах от переутомления, но доложил четко:

- Патроны на исходе, гранат, правда, достаточно. Взяли по пути цейхгауз уланский. Полезут на гору - отобьемся... Дезинфекторов нет. Связи с командованием фронта нет.

Котовский вздохнул:

– Знаю, Владимир Никандрыч, знаю. Вместо дезинфекторов применять самогон. А вот полезут, не полезут, я тебе так скажу: они сунутся – мы им врежем. Они внизу окопаются и будут ждать, пока их тяжелая артиллерия разделается с Тухачевским, а потом к нам... Вот же западня!

– Как у Спартакa под Бриндизи! – подметил начштаба. – Ни вперед, ни назад.

– Хм! – повеселел вдруг Котовский. – Вот за что я тебя уважаю, Никандрыч, так за то, что ты «Тарзана» читал и про Спартакa знаешь.

– Раненых отнесите в пещеры, – посуровел он снова, – а то налетят французики на аэропланах. Станут бомбы метать.

– Уже отнесли, – доложил начштаба

– Добре! И вот что, Владимир Никандрыч, как стемнеет, весь личный состав, могущий держать оружие, включая санитаров и обозных, собрать у родника. Эскадронного Нягу сейчас ко мне. Я, кажется, знаю, кто нам поможет! – Котовский снова посмотрел в бинокль. – От подножья горы до передовых постов уланишек будет версты полторы. Значит, если тихо к ним подобраться, то еще минут двадцать понадобится, чтобы наше лихое воинство, прибрав с собой раненых, прошло это расстояние. И затем, одним броском обрушиться на перекрывающую путь на восток бригаду улан и дальше темп, темп... Рискнем!

Начштаба, прошедший две больших войны, японскую и германскую, без надежд выжить на третьей, гражданской, удивленно посмотрел на Котовского. С той поры, как в 1919 году под Одессой он попал в плен и принял ультимативное предложение Котовского служить в этой странной красной бригаде, не раз этот дикой отваги и энергии командир удивлял бывшего деникинского штабиста.

– Если не секрет, сообщите, кто же это? – поинтересовался начштаба с чисто мальчишеским любопытством, свойственным только очень искренним людям.

– Кто, кто, – хохотнул Котовский – Спартак. Сам же напомнил.

Несколько сотен оборванных, черных от пыли и порохового дыма людей собрались на полянке у родника на восточном, густо поросшем акциями склоне горы.

– Братья! Я вел вас от победы к победе! Но черт его знает, как получилось, я же завел вас и в эту ловушку. Братья! Вождь восставших

рабов Рима Спартак в безнадежный час сказал своим гладиаторам: « Не лучше ли умереть сражаясь, чем жить, униженно преклонив колени?!» Эта надменная сволочь, которую мы гнали почти до Львова, предлагает нам сдаться в плен...

И я знаю, что вы, братья мои, не примете этого предложения и предпочтете умереть, сражаясь. Я буду с вами в первых рядах...

- Простите меня, может быть тут моя ошибка, что завел я вас в этот капкан! Но теперь все равно ничего не поделаешь. Помощи ждать неоткуда. Давайте, или умрем, как настоящие солдаты революции, или прорвемся на родину! – Котовский замолчал, всматриваясь в угрюмые лица бойцов. - И вот что, – вдруг строго рявкнул он. – По-хоже, вы забыли, кто вы.

Эскадронные зашипели на людей и сбили собравшихся в какое-то подобие строя.

- Мы – бойцы революции! Это говорю вам я, ваш вождь и командир. Прошедший каторгу и смертный приговор. Всем до начала атаки привести себя в порядок! Чтоб как на парад. Ордена, у кого есть, надеть!

Ночью, обмотав копыта немногих выживших лошадей тряпьем, погрузив раненых на тачанки, остатки некогда блестящей бригады стали спускаться с восточного склона Божьей горы. За полчаса до выступления спешенный эскадрон бешеного бессарабца Штефана Няги по-пластунски вызмеился к передовым польским постам. Едва лишь голова колонны миновала последние посеченные шрапнелью дерева на склоне, бессарабцы в ножи взяли польские посты. Будто восставшие из праха тени павших при великом походе к «Последнему морю» смуглолицых воинов хана Батыя с воем и улюлюканьем свалились они в траншеи первой линии, в десять минут уничтожив дежурные пулеметные расчеты, развернули французские «Льюисы» и открыли непрерывный огонь по позициям двух бригад Краевского. Вскоре пулеметы от такой варварской стрельбы заклинило, но дело было сделано. В расположении уланских полков поднялся переполох. Какой-то ретивый артиллерист открыл спорадический огонь из трех орудий своей батареи по верхушке уже оставленной котовцами горы. Гул орудий и свист снарядов не добавил порядка в польских эскадронах, опешивших от столь дерзкой выходки, казалось бы, безнадежно обескровленной бригады.

- Мать вашу! Черт бы вас побрал! – по-русски матерился генерал Краевский, которому услужливый адъютант помогал напялить форменный мундир. – Может мне кто-нибудь объяснить, что происходит?

- Может, это Тухачевский направил резерв на выручку? – предположил начальник связи корпуса, примчавшийся к штабному шатру.

- Какой, к дьяволу, Тухачевский? – заорал генерал. – Вы что, спятили?

Тухачевский в ста километрах к востоку от Бреста зализывает раны. Немедленно встречной атакой остановить эту красную сволочь!

Остановить, однако, не удалось, бригада вырвалась из окружения. Контуженного Котовского вывезли с поля боя прямо в лазарет.

АРХИВ 5:

Отчет командира отдельной кабригады Котовского о разгроме банды Матюхина.

(авторский текст Г. Котовского)

Это было в июле 1921 года, когда моя бригада численностью около 500 сабель находилась в Тамбовской губернии и боролась с бандитской шайкой Антонова.

Но среди этих незначительных бандитских групп была и крупная банда, 4-я группа, состоявшая из 14-го и 16-го бандитских кавалерийских полков. Командовал этой группой Иван Матюхин.

Уничтожение этой крупной банды и являлось последней боевой задачей моей бригады в Тамбовской губернии.

Вот как она была решена.

В начале июля я был срочно вызван в штаб командующего армией Тухачевского. В это время туда же был привезен из Москвы бывший начальник штаба антоновских войск Эктов. Он был захвачен в плен и содержался в Москве в ВЧК. В штаб армии его привезли для использования в деле борьбы и уничтожения антоновщины. Вместе с чекистами мы разработали план захвата и уничтожения банды при помощи ее бывшего начальника. Осуществление этого плана я начал немедленно. Ночью 12 июля под охраной одного моего полускадрона бывший начальник штаба антоновских войск Эктов был перевезен в полевой штаб моей бригады.

В ночь на 19 июля я взял эскадрон своей бригады, приказал части его переодеться в крестьянское платье и вместе с Эктовым выехал в одно из сел у большого и частого леса, в котором скрывалась 4-я бандитская группа в 450 сабель.

В село мы прибыли на рассвете и объявили себя казаками из "кубанско-донской повстанческой армии". Мы говорили, что провались из Кубани и Дона под командой войскового старшины Фролова и явились в Тамбовскую губернию для соединения с повстанцами Антонова.

Днем нами была установлена связь с бандитами из 4-й группы Матюхина. Кулацкое село было целиком заражено антоновщиной и, поверив нам, оказывало нам энергичное содействие. Связь установили через бандитскую "милицию", начальником которой в этом районе являлся брат командира 4-й бандитской группы Василий Матюхин.

С ним у меня встреча состоялась ночью, в лесу.

На полянку к дому лесника из леса выехало около восьмидесяти бандитских "милиционеров". У дома стоял мой эскадрон. Вместе с бывшим начальником штаба Эктовым я подошел к начальнику бандитской "милиции" Василию Матюхину и представился как командир "кубанско-донского повстанческого отряда" войсковой старшина Фролов.

Эктов, которому было предложено подтверждать все наши заявления, сказал, что я действительно войсковой старшина Фролов и что мы действительно казаки из "кубанскодонской повстанческой армии".

Начальнику "милиции" Василию Матюхину я передал письмо для его брата Матюхина. В этом письме я просил о встрече с ним и предлагал соединиться для совместной борьбы против Советской власти. Под конец нашей встречи мы пожали друг другу руки и мирно разъехались, сговорившись встретиться 20 июля, на рассвете, в одном из близких к лесу сел.

В это село для соединения с моей бригадой 14-й и 16-й бандитские кавалерийские полки должны были явиться под командой самого Ивана Матюхина вместе с командованием и "политотделом".

На рассвете, обходя расположение наших пехотных частей, мы вернулись к своей бригаде. Ввиду того, что некоторая часть железнодорожных служащих, в особенности телеграфа и телефона, сочув-

ствовала Антонову, было решено вести операцию в строгой тайне и никому никаких сводок и донесений не высылать. О моем плане, кроме командующего армией Тухачевского и особо уполномоченного ВЧК, никто не знал. Мы вели себя осторожно и осмотрительно. О движении нашей бригады не знали и наши пехотные части.

Днем мной был созван командный и политический состав всей бригады, было приказано уничтожить все значки и спрятать знамена, 1-му полку нашить красные лампасы, а 2-й полк одеть в бараньи шапки и папахи. О присутствии среди нас пленного начальника штаба антоновских войск Эктова никто не знал. Он спокойно расхаживал по расположению полков, на поясе у него висел незаряженный наган. Около него, не отходя ни на шаг, всегда находилось пять чекистов.

Ночью 19 июля моя бригада в полном составе без артиллерии, но с пулеметами выступила из своего расположения. За селом она была построена, и я сообщил о том, что с этого момента она, бригада Котовского, становится "кубанско-донским повстанческим отрядом", который прорвался в Тамбовскую губернию для соединения с бандами Антонова.

В своей речи я дал указание, как надо вести себя бойцам бригады в том селе, в котором должна была произойти наша встреча.

На рассвете, 20 июля, мы прибыли в село, находившееся в пяти верстах от того леса, в котором скрывалась банда Ивана Матюхина.

В селе на явочной квартире бандитов нам удалось установить, что часа за два до нашего прибытия в селе находился сам командир 4-й бандитской группы Иван Матюхин, который оставил мне письмо.

Мы старались скорее получить это письмо, но оказалось, что оно находилось у четырех отборных бандитов, которые не доверяли нам и скрывались в глубокой лощине за селом. Пришлось затратить целый день на переговоры через особых посланцев, чтобы убедить их, что мы свои.

К 5 часам вечера бандиты согласились встретиться, но потребовали, чтобы я, войсковой старшина Фролов, выехал к ним только с бывшим начальником штаба антоновских войск Эктовым, и предупредили, что, если нас явится больше, они письма не дадут и уйдут от нас в лес.

Эков был освобожден из-под охраны чекистов и посажен на самую скверную в бригаде лошадь. Выхав с ним в поле, я сказал ему,

что всякая попытка к бегству или разоблачение меня грозит ему немедленным расстрелом.

Верстах в двух-трех от села к нам подъехали четыре здоровенных, вооруженных до зубов бандита. Как потом выяснилось, это были командиры бандитских дивизионов.

Пожимая нам руки, они вручили нам письмо своего командира Ивана Матюхина и поехали вместе с нами в село, в котором разместилась моя бригада.

Въехали в село, вошли в явочный бандитский дом богатого кулака, имевшего две паровые мельницы. Я распечатал письмо. Из него выяснилось, что Иван Матюхин приглашает нас пожаловать для соединения в лес, считая для себя небезопасным вылезать из него.

Исходя из того, что каждая лесная тропинка известна бандитам, я понял, что матюхинская банда, в случае нашей атаки на нее, уйдет от нас, и боевая задача нашей бригадой не будет выполнена. Поэтому я решил обратиться к Ивану Матюхину с новым письмом. В этом письме я писал, что его боязнь выйти из леса я считаю трусостью и что мне со своим отрядом, имеющим пулеметы на тачанках и большой обоз, трудно будет двигаться лесом. Я настаивал на прибытии Матюхина со своей группой этой же ночью в село, откуда мы и начнем совместные действия против красных частей. Письмо это было подписано мною и Эктовым и отослано Матюхину с комиссаром одного из наших полков Захаровым, командиром взвода Симоновым и одним из четырех бандитов, передавших мне письмо от Матюхина.

Когда наши посланцы отправились, оставшиеся три бандита захотели ознакомиться с состоянием нашей кавбригады. В этом им нельзя было отказать, и мы пошли к бойцам. От осмотра бандиты пришли в удивление и восторг. Они возбужденно и с некоторой завистью говорили, что все наши бойцы по своей выправке, молодцеватости и героическому виду больше похожи на офицеров, чем на солдат. После этого осмотра мы вернулись в штаб моей кавбригады. На столе за это время появился самогон, жареные куры и баранина. У бандитов от самогона развязались языки, и они стали хвастаться тем, как расправляются антоновцы с красными. Захлебываясь от пьяного восторга и наслаждения, они говорили, что пленных красноармейцев, которые попадают к ним, они не рубят и не расстреливают, а выкручивают им головы. Они хвалились тем, что их коман-

дир Иван Матюхин славится своей свирепостью, что у них нет пощады и что каждого красноармейца ждет мучительная смерть. В своей пьяной беседе они стали называть нам свои явки, места, откуда получают оружие, подковы и все, что необходимо для вооруженной борьбы. Мы сидели, разговаривали и все наматывали себе на ус. Вместе с нами был и Эктов, он, бедный, больше молчал. Не раз бывшие с нами мои командиры брались за шашку, чтобы отрубить бандитские головы, но железная дисциплина, сознание предстоящей работы и необходимость решения нашей боевой задачи сдерживали их, отдаляли от бандитов справедливую кару.

Уже 12 часов ночи, а наши посланцы еще не вернулись из своей опасной поездки. Беспокоюсь и за выдержку своих бойцов. Нужно быть очень осторожным и выдержанным, чтобы каким-нибудь случайным словом не выдать себя. Но все бойцы, как один, держат себя в руках. Нет слова "товарищ", есть слово "станичник", нет ни одного движения и взгляда, в котором можно было бы не только разоблачить, но даже заподозрить красного бойца.

В три часа ночи наши посланцы вернулись с ответом Ивана Матюхина. В нем сообщалось, что 14-й и 16-й полки во главе с командованием и "политотделом" под командой самого Ивана Матюхина стоят от села в двух верстах и что Матюхин, желая убедиться в нас, требует, чтобы я явился к нему для личных переговоров только с Эктовым.

Стоило Эктову или открыто заявить, что я Котовский, или сделать даже одно только предупреждающее об опасности движение, и я мог быть схвачен и убит, но выхода не было, начатое дело надо было доводить до конца, хотя бы и ценой своей жизни.

Я оседлал своего испытанного Орлика и поехал к Ивану Матюхину с Эктовым и двумя товарищами, отвозившими мое второе письмо.

Выехав из села, я сказал Эктову, что я трезво учитываю положение, вероятным выходом из которого считаю смерть, отдаю отчет в своих действиях и на безумный шаг иду сознательно. Вместе с тем я заявил ему, что при первой же попытке предательства он будет мною немедленно убит. Дальше я ему сказал, что в тот момент, когда мы будем подъезжать к бандитам, он не должен отрывать от меня ни на одну секунду и я должен чувствовать его стремя своим, иначе его ждет немедленная смерть.

...Из темноты выскочила группа всадников, около 50 человек, они окружили нас и стали радостно пожимать руку Эктову. Едем дальше вместе. Впереди видим большую группу всадников, вытянутую колонной по шесть.

Подъезжаем к небольшой кучке командного и "политического" состава, впереди здоровый, рослый мужчина с зверообразным лицом и свирепыми глазами. Около него человек тринадцать - пятнадцать, командиры и "комиссары" группы.

Почин разговора и действий беру себе. Подъезжаю к Ивану Матюхину, крепко жму ему руку и начинаю упрекать в том, что он теряет дорогое время на пустые разговоры, вместо того чтобы бороться против красных частей.

Резко поворачиваю лошадь и приглашаю следовать за собой. Раздается команда: "Справа по три, шагом марш!" - и банда трогается.

Едем, слева от меня едет командир 4-й группы Иван Матюхин, справа Эктов, сзади весь командный и "политический" состав антоновской банды. Окидываю быстрым взглядом Эктова и вижу выражение мучительной внутренней борьбы. Бросаю на него короткий угрожающий взгляд и сильно нажимаю на его ногу - этим напоминаю о своем обещании убить его при первой попытке предательства. На боку у меня висит маузер, застегнутый наглухо, в правом кармане наган, на взводе которого лежит мой палец. Нервное напряжение огромно, но силой воли держу себя в руках и веду спокойный серьезный разговор. Раздается окрик одной из наших застав: "Стой! Кто едет?" Отвечаем: "Киев". Начальник заставы спрашивает отзыв. Отвечаем: "Корсунь".

Втягиваемся в село. Иван Матюхин спрашивает, как организовано охранение, останутся ли за селом заставы.

Вместо ответа говорю, что об этом лучше всего спросить одного из тех бойцов, которые привезли от него письмо и видели наши охранения. Боец оказался рядом и отвечает, что к нам и муха не пролетит, а не то что пролезут красные. Матюхин успокаивается; отдается распоряжение об отводе бандитов по квартирам. Квартиреры это делают очень любезно. Когда бандиты были расставлены по домам, мы, командный и "политический" состав Ивана Матюхина едем в другую сторону села, где я разместил свой штаб.

Около моего штаба стоит полуэскадрон одного из наших полков. Мы подъезжаем и спешиваемся, бандитов "радостно" приветствуют наши бойцы.

Командный и "политический" состав банды с Матюхиным во главе входит вместе со мной в штаб. Хозяин дома радостно приветствует их, и стол заставляется богатым угощением. Появляется и обожаемый бандитами самогон.

После обильной закуски открываем совещание, на обсуждение которого ставим вопрос борьбы с Советской властью. Совещание открываю вступительной речью я, после даю слово одному из наших комиссаров - Борису, который зачитывает выдуманную и написанную нами резолюцию никогда не бывшего "всероссийского совещания повстанческих отрядов и организаций". Трескающая резолюция - красивый набор слов. Борисов, представленный мною членом партии левых эсеров, немного волнуется.

Беру слово опять себе и на основании резолюции говорю о необходимости отказа от открытой вооруженной борьбы с Советской властью и перехода в подполье. Матюхин высказывается против и ближайшей своей задачей ставит свержение Советской власти в Тамбовской губернии.

В дальнейшем разговоре я стараюсь получить сведения о месте нахождения контуженного во время одного из боев Антонова, но об этом никто из бандитов не знает. Иван Матюхин заявляет, что теперь он станет во главе движения против Советской власти, так как его хорошо знает и за ним пойдет вся Тамбовская губерния. Он стучит кулаком по столу, злобно рычит о том, что уничтожит "коммунию". Его командиры и "политический" состав ведут себя сдержанно, но все время приглядываются ко мне и прислушиваются к каждому моему слову.

Начинает светать, и я начинаю подводить игру к ее неизбежному и необходимому концу. Говорит Гарри, вышедший со мной из Бессарабии. Он хороший оратор, по внешности типичный махновец. В ярких красках он описывает геройские подвиги махновцев. Бандиты слушают с затаенным дыханием и горящими кровью глазами. Иван Матюхин кричит, что сегодня же он начнет наступление против красных и через короткое время создаст новую армию в 10 тысяч человек.

После его слов я поднимаюсь из-за стола, вынимаю из кармана наган и стучу им о стол. Вместе со мною поднимаются наши командиры и комиссары, поднимаются и бандиты.

Наступает последний момент нашего совещания, за которым на бандитов должен немедленно обрушиться справедливый гнев. Рукоятки револьверов и сабель судорожно сжимаются пальцами.

В это время я крикнул: "Долой комедию! Расстрелять эту сволочь!" И в тот же момент направил дуло своего нагана в Ивана Матюхина. У всех бандитов страшный перелом, переход от радости к безумному ужасу, особенно охватывает он Матюхина, человека-зверя, выкручивавшего красноармейцам головы. В ужасе он закидывает назад голову и закрывает ее обеими руками. Я хочу убить его, но новый наган дает подряд три осечки. В это время раздается залп со стороны моих командиров, и несколько убитых бандитов падают на пол. Я бросаю свой наган, отскакиваю к стене и начинаю отстегивать свой маузер.

Из-под стола, где успел спрятаться один из бандитских "комиссаров", раздается выстрел, и пуля раздробляет мне правую руку у плеча. Несмотря на боль, все же не теряю почина действий, и через несколько секунд, все бандиты расстреляны. Выбегаем на двор, захватываем бандитскую охрану.

Пока мы "совещались", оба наши полка и пулеметная команда успели окружить село, и через какой-нибудь час после ожесточенной пулеметной и винтовочной стрельбы банда была уничтожена.

Боевая задача нашей бригады в Тамбовской губернии была решена; самая крупная и отборная банда была ликвидирована. Небольшие бандитские шайки охватил ужас, и они сдавались нам на милость, являясь с лошадьми и оружием.

Вскоре после тамбовской операции моя кавбригада была снова переброшена на Украину.

«Гуляй, дикое поле!»

Крестьянские войны случались на территории Российской империи неоднократно. Иван Болотников, Степан Разин, Кондрат Булавин, Емельян Пугачев – имена предводителей крестьянских повстанческих армий благодарно сохранились в памяти народной, несмотря на буйство кровавых расправ, грабежей и пьяную удадь присущие всем без исключения вождям крестьянской вольницы... Что ж, как верно замечено, «чернь любит и буйство и удадь».

Родись *Нестор Махно* (см. прим.) на пару веков раньше, кто знает, может, и его имя вошло бы в анналы былинных историй и песенных баллад из жизни легендарных, почти мифологических атаманов?

Но хотя и родился Нестор Иванович в канун потрясений небывалых в безвестном в ту пору украинском местечке Гуляй Поле вполне мог бы стать он скромным сельским учителем, или священником, а может и даже поселковым головой, да что там гадать! Кем бы ни выпало ему быть в жизни мирной, в годину кровавую революционную суждено было Нестору Ивановичу поднять на дыбы крестьянскую вольницу. От рождения, от казачьих корней своих непокорных был Нестор Махно бойцом и предводителем. Любил он свой народ работающий, а богатеев и мироедов, напротив, ненавидел ненавистью лютой. Потому и ринулся в революцию 1905 года как коршун, жаждущий крови. Империя Нестора скрутила быстро. Немало, таких как он, бунтарей, сгнули в петле и под пулями карателей. Ему повезло. Приговор о лишении жизни через повешенье заменили бессрочной каторгой. Университеты каторжные наградили Нестора Ивановича туберкулезом и убежденностью в правильности идей анархизма и равноправия.

Вернувшись в Гуляй Поле после крушения Царской династии в 1917 году Нестор Иванович, прежде чем возглавить повстанческую армию украинских мужиков, поколесил немало. Повоевал с белыми и чехами на Волге. Побывал и в Москве, и с самым председателем Совнаркома Лениным беседу имел. Непреклонностью своей в отношении пользы государственной диктатуры Ульянов-Ленин бывшего каторжника Махно поразил до неприятности. Однако в ту пору взгляды основателя государства беспощадной пролетарской диктатуры и стихийного ата-

мана анархо-коммуниста Нестора Махно соприкасались в части большевистского декрета, наделившего крестьян бывшей империи землей. Посему расстались Владимир Ильич и Нестор Иванович почти дружки. Ленин остался в Кремле, а Махно отправился в Гуляй Поле.

В 1918 году по восточной Украине изрядно потоптались сапоги немцев, вошедших сюда после заключения большевиками Брестского мира. На кайзеровских полках и испытал силу крестьянского гнева Нестор Иванович. Лихие сотни под черными знаменами анархии вырубали штабы германцев, уклоняясь от прямого столкновения с регулярными частями. Налеты на станции и склады следовали непрерывно. Тактика рейдовой войны породила новый вид мобильного огневого средства на конной тяге. Тачанка – гениальное изобретение Нестора Махно. Отобранные на германских хуторах рессорные двуосные брички вооружались пулеметами. Сопровождаемые тучами всадников, налетали они на колонны германских войск, выкашивая пулеметным огнем целые роты непривычных к такой тактике боя германцев.

Вскоре слава о защитнике трудового украинского крестьянства разбежалась по всем волостям от Екатеринослава до Таврии. Армия Батьки Махно, как окрестила его народная молва, выросла до нескольких тысяч лихих всадников. В соответствии с учением анархизма провозгласил Батька Южно-Украинскую трудовую федерацию, первое и единственное в истории человечества безвластное государство, самоуправляемое, не признающее диктатур и идеологий классового господства. Товарищи Троцкий и Ленин поморщились, но к Нестору Махно, тем не менее, отправили переговорщика. Враг стоял у окраин Тулы. Передовые части *Добровольческой армии Деникина* (см. прим.) под командованием *генерала Май-Маевского* (см. прим.) под гимн «Боже царя храни!» вошли в Харьков, а казачий корпус *атамана Мамонтова* (см. прим.) едва не взял в плен командарма Семена Буденного!

Махно помог большевикам как никто другой. Армия Батьки чудовищным катком прокатилась по деникинским тылам, едва не дойдя до ставки самого командующего Белым движением юга России в Таганроге. Остановил безудержную волну махновцев, отчаянный и немного сумасшедший генерал Яша. *Яков Слащев* (см. прим.), *enfant terrible* – безумное дитя Белого движения, непревзойденный тактик, мастер штыкового боя. Во главе отборных офицерских рот, применяя такти-

ку плотных каре и подвижных артиллерийских дивизионов, генерал Яша очень поубавил прыти у махновской вольницы.

Батяка не долго переживал поражение. Пройдя почти шестьсот километров причерноморскими и приднепровскими степями, без остановок на большие привалы, Махно внезапно захватил Екатеринослав. За такой подвиг социально близкому Батяке Советская власть пожаловала орден и звание комбрига. В Гуляй Поле прибыла целая делегация видных большевиков во главе с Львом Каменевым. Митинги, пьянки, заверения в союзничестве и ненависти к мировому капиталу! Любовь, однако, была не долгой. В Москве уже строили планы разгрома махновского штаба. А тут, как назло, сыпной тиф уложил Махно надолго в постель. Пока батяка, к тому времени уже восемь раз раненый, приходил в себя, большевикам снова понадобился союзник. На Врангеля отдельную повстанческую бригаду махновской армии повел знатный рубака, стихийный анархист *Степан Каретник* (см. прим.). Одних только тачанок в бригаде было двести пятьдесят! Эти двести пятьдесят пулеметов и смели конницу *генерала Барбовича* (см. прим.) в сражении под Юшунью. Далее, с ведома большевистских вождей, было совершено гнусное предательство...

Следуя секретной директиве Троцкого, уже после того, как Крым был взят, бригаду Каретника втихую окружили конные части Пархоменко и Жлобы... Бывших союзников убивали как бешеных собак. Самым отчаянным во главе с Каретником удалось прорубиться сквозь плотные заслоны и принести черную весть батяке в Гуляй Поле. Едва осознав случившуюся катастрофу, стал Махно собирать свою армию, как снова загремела канонада. Подошедшие к Гуляй Полю, отборные части красных латышей пошли на штурм махновской столицы.

И снова немислимо храброй сабельной атакой вырвались батякины сотни из Гуляй Поля, оставив в степи тысячи порубленных тел *красных латышей* (см. прим.).

Заметался Махно по Южной Украине в петле окружения, как безумный, оставляя за собой кровавый след, расстреливая и вырубая всех сторонников власти большевиков и просто сочувствующих.

Кольцо сжималось. В начале 1921 года красные части вытеснили остатки повстанческой армии с южной Украины. В районе Винницы летом махновцев настигла кавалерийская бригада особого назначения Григория Котовского.

«Финал трагедии «Махновщина»

Трое верховых не спеша двигались чахлым перелеском. Вечерело. Сыростью тянуло от болотистой лощины. Навстречу верховым из зарослей вышли несколько угрюмых мужчин с карабинами.

Верховые остановились. Один из встречающих подошел к тому, что ехал впереди.

- Батька ждет! – вполголоса сообщил он.

Всадник кивнул и тронул коня.

Вся группа миновала заросли молодой акации, возле которых верховых передали в сопровождение мужику угрюмого вида в длинной драгунской шинели.

На опушке уходящей к оврагу рощи горели бивачные костры, стояли расседланные кони, с десятка тачанок сгрудились у дороги, развернув пулеметы в поле.

Гул голосов смутно стелился в вечернем воздухе.

Всадники в сопровождении все того же угрюмого мужика в шинели и лохматой папахе направились к разбитой посредине бивака большой немецкой штабной палатке.

Тоска и безысходность царили в этом странном полевом лагере. Вокруг костров вповалку лежали укутавшиеся кто во что, вооруженные всяким разным огнестрельным и холодным оружием люди. Несколько человек оттаскивали в овраг трупы недавно скончавшихся раненых. Никаких признаков лазарета или санчасти в лагере не наблюдалось. Еще живые, стонущие, перебинтованные чем попало, порубленные тела раненых лежали на голой земле. Те, что могли передвигаться, жались ближе к кострам.

Прибывшие всадники и сопровождающий их дядька в шинели, похоже, никого среди этой разношерстной толпы вояк не интересовали...

- Как живешь, Мишка? – На ходу запахнув шинель, поинтересовался тип в папахе, обращаясь к одному из прибывших - щеголеватого вида парню в перетянутой ремнями портупеи кожанке.

- Да как видишь! – односложно отвечал тот.

- А это, - папаху указал на рослого мужчину с маузером на боку. – Не иначе сам?

- А ты спроси! – усмехнулся Мишка.

- А чего спрашивать, – угрюмо пробормотал тип в папаше. – Я и сам вижу. Ты-то давно у красных? Я давеча под Вапняркой тебя-то не сразу признал. Мог бы и грохнуть.

-Так не грохнул же! – снова криво улыбнулся тот, которого звали Мишка.

- Не грохнул, – угрюмый остановился, достал кисет, ловко свернул самокрутку и спросил:

- Огонька нету ли?

- Есть!– третий из прибывших, ладный, пружинистый, смуглолицый малый, весь увешенный оружием, быстро достал огниво, высек огонь и дал угрюмому прикурить.

- Вот только радости осталось, что покурить! – посетовал мужик в шинели, - Да!

- А что, б-браток? – поинтересовался рослый мужчина. – Худо дело?

- Будто не знаешь? – сплюнул тип в папаше, – Хана нам... У Гайсына не твои ли наших сотни три срубили? Э-эх, кабы Мишка мне знак не подал, условный, еще с Гуляй Поля известный - не быть вам тут...

- Н-ну, что ни делается, то к лучшему, – заметил рослый мужчина,

- В-веди к батьке, однако время дорого!

- Веду, веду, – еще более мрачно пробурчал мужик в шинели. Он сдвинул папаху на затылок и сказал. – Отвоевались мы... Такие дела! Идем что ли?

- Веди, показывай! – рослый мужчина тронул коня.

- Да уж давайте за мной, – выпустил сизый дым мужик в папаше и перекинул карабин на левое плечо.

У штабной палатки валялся вдрызг пьяный часовой в рваном тулупе. Винтовка его лежала рядом.

- Анархия – мать порядка! – указал на пьяного рослый мужчина, сходя с коня и закидывая повод на столбик у палатки. Его спутники последовали примеру старшего.

- Я сейчас, – угрюмый с нескрываемой злобой пнул лежащее тело, откинул полог и нырнул в палатку...

Лежавший в забытьи часовой очнулся, резко сел, протер глаза. Молвил тупо: «Ох, господи боже!». Вскочил, подхватил винтовку и побежал криво, куда-то к лесу...

- Батька ждет, – сообщил угрюмый, через минуту выйдя наружу.

- А этот где? – спросил, видимо, о часовом. - Эх! – сокрушенно крикнул он и, не дождавшись ответа, сел на пустой зарядный ящик, лежащий у палатки, а потом добавил. – Идите, батька ждет!

Рослый мужчина положил руку на деревянную кобурѹ маузера и вполголоса велел своим спутникам. – Глядеть в оба! Если дам знак, подрывайте шатер гранатами и ходу! Ясно?

- Ясно, Григорий Иванович! – ответили те в унисон.

В палатке тускло светила керосиновая лампа. За удобным, но потасканным раскладным столом, тоже, по-видимому, трофейным, доставшимся от разгромленного немецкого штаба полка, на пустой бочке сидел худой человек в кожаной куртке. Лицо его в свете лампы было пугающе безжизненным. На столе лежала потертая карта местности, стояла початая бутылъ с мутной жидкостью, похожей на самогон и несколько граненых стаканов.

- Выпьешь? – без церемоний спросил вошедшего в палатку Котовского сидевший за столом человек и дерзко, но приятно хохотнул. – Это же надо, столько лет не виделись. С десятого года, кажется, или нет? С тюрьмы Одесской – это точно... И вот на тебе! Атаман, нет, комбриг Гриша Котовский в гостях у батьки Махно! Я тоже был комбриг... Недавно, кстати!

Он налил из бутылки в стаканчики.

- Присядь, гостем будешь, – указал Махно на лавку у стола.

- Здравствуй, батька! – Котовский грузно опустился на лавку и взял стаканчик.

- Здорово, Григорий! – Махно опрокинул пятьдесят граммов и, выдохнув перегаром, спросил:

- Так вот встретились?

- Могли бы и хуже встретиться! – отметил Котовский и тоже опрокинул стаканчик.

- Могли! – задумался Махно.

Повисла гнетущая пауза.

- Я побоища не хочу. Мало, что ли, накрошили? – прервал паузу Котовский.

- Нам терять нечего! – жестко сказал Махно – Не пропустишь, станем пробиваться. Все ляжем! Но и твоих немало возьмем!

- Да уже знаю, как вы умеете рубиться. Пол дивизии Пархоменки (см. прим.) порубили, – махнул рукой Котовский.

- Сашко Пахоменка Степан Каретник срубил честно в бою! – заметил Махно.

Он ткнул грязным пальцем в карту. - Вот тут это было! Еще в январе, мы тогда в силе были! А как ему было не срубить товарища своего, когда в Крыму, после Перекопа, после того как мои по болоту, по мертвой зыби Сиваша прошли, фронт белых сломали, с конницей Барбовича бились, и нас же *Пархоменко и Жлоба* (см. прим.) под Джанкоем встретили пулеметами! Пять тысяч казаков, крестьян украинских тогда под пулями легло. Едва-едва тысячи три собрали потом на Арбатской косе. Э-эх, Григорий, для того ли мы в революцию шли? Для того ли я к Ленину в Москву ездил? Для того ли деникинские тылы разорял? Мне Троцкий орден и посулы всякие давал. А армию мою в Крыму под пулеметы? Это как? Скажи!

- Нестор Иванович, сказать мне тебе нечего! - Котовский мрачно глядел в пол. – Я в Крыму не был. А если бы был, то может... Ну да не об этом речь... С Фрунзе я согласовал. Он дал добро на то, чтобы вы тихо снялись и ушли в сторону границы... По пути поделитесь на мелкие группы и, даст Бог, не встретимся более. Биться нам смысла нет, людей только погубим. Да и пока вы прорубаться будете, Якир придет с артиллерией... Сам понимаешь!

- Твой Фрунзе большой стратег! – засмеялся Махно. Котовский удивленно поглядел на батьку.

- Смеюсь я от того, Григорий, что вижу, как скоро вы, пресытившись нашей честной кровью, друг дружку рвать начнете. А о свободе, которую Троцкий с Лениным народу обещали, народ-то уже и думать забыл... Поздно мы, анархисты, поняли куда большевики тянут. Поздно!

- Поздно, рано. О чем ты толкуешь, Нестор? За ними сила. Они народу землю дали! Это раз. Они царя расстреляли, не испугались. Это два. А три – это то, что они диктатуру установили. Пролетарскую диктатуру, будь она неладна. Вместе с Троцким! Но вот ведь какая штука, Нестор Иванович! Без диктатуры эту кашу кровавую никому не расхлебать!

- Черт с вами со всеми! – выругался Махно. – Давай выпьем, брататоржанин. Вот же судьба какая! Наверно, уже не увидимся...

- Нестор Иванович, я тебе так скажу, – Котовский покачал головой. – Тебя и еще человек пятьдесят самых доверенных, доведу до переправы у Сорок. Там уже будешь с румынами договариваться. Проведу сам по паролям. Тут уже все ЧОН-ами обложено, пулеметы повсюду. Толпу

свою распушкой сейчас же. Да и выступим, пока ночь. К рассвету выйдем к Днестру. Со мной твой бывший комполка Мишка Мокряк – Мокрый. Он отсюда из Приднестровья все тропы знает. Он и поведет...

- Мишка был добрый повстанец-анархист, – солидно кивнул Махно, уже изрядно захмелевший, – Был, пока к вам чертям не переметнулся!

Батька резко встал. Покачиваясь, подошел к выходу, откинул полог и заорал во всю мочь: – Повстанческая армия! Слушать батьку! Всем собраться у палатки! Живо! Вот так – пояснил он, возвращаясь к столу – Еще выпью и выйду к народу!

Сотен пять махновских повстанцев сгрудилось вокруг штабной палатки. Угрюмый тип в папахе подогнал тачанку. Махно не без труда, но взобрался на сиденье с ногами. Длинные грязно-жирные волосы его растрепались, по землистого цвета лицу стекали капли холодного пота. В сумраке ночи, в отблесках костров он был похож на тунгусского шамана, готовящегося приступить к камланию.

- Братья! Повстанцы! – закричал батька рвущим душу, пронзительным голосом. На опушке тревожно заржала лошадь.

- Мы славно бились за свободу трудового крестьянства! – Махно прижал руки к груди. – Но мы проиграли... Братья повстанцы! Большевики предали нас в Крыму. Мы порубили белую сволочь, а они... они погубили пять тысяч наших братьев. Теперь нас гонят, как зверя на облаве. Мы рубились, пока хватало сил. Но сила ломит силу... Нет более нам удачи в бою! Потому, братья, я хочу, чтобы вернулись вы домой к вашим семьям, чтобы вырастили детей, чтобы рассказали им про дела наши. И кто знает, может они, или их дети снова возьмут в руки шашки и прорубят трудовому люду путь в царство свободы и анархии! А нам братья, не удалось! Расходитесь!!!

Махно тяжело слез с тачанки, присел на корточки и зарыдал. Угрюмый тип в шинели подошел и укутал батьку мохнатой черкесской буркой.

Котовский и его спутники, стоя чуть поодаль, наблюдали эту последнюю патетическую сцену в одном из многих кровавых спектаклей гражданской войны. Это был финал героической и ужасной, кровавой повстанческой трагедии под названием «Махновщина».

Ближе к утру, когда из прибрежных днестровских ложин потянуло речной сыростью, Махно, ехавший верхом во главе небольшой колонны рядом с Котовским, прервал молчание.

- Знаешь, Григорий, – заговорил он, морщась от похмелья. – Царь Николай был все-таки дурак. Знаешь, почему?

Котовский усмехнулся и поправил ремень фуражки.

- Нет, ты не смейся, – обиделся Махно. – Ведь и ты, и я, и Фрунзе под виселицей ходили! И что? А то, брат Григорий, что помиловал нас Николай! А мы ему чем отплатили? Вот так-то, Гриша, дуракам милостивым и пуля первая! Эх, любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...

- Меня генерал Брусилов помиловал, – заметил Котовский.

- Один черт, сатрап царский! – сплюнул Махно. – С нашим атаманом не приходится тужить!

Котовский посмотрел в небо, где заря съедала остатки ночи, и подумал, что Махно, в сущности искренний, неглупый человек, талантливый военачальник, все же так и не понял центра притяжения сил в этой междоусобной бойне...

На румынскую сторону вместе с батькой переправились семьдесят восемь человек. Все, что осталось от двадцатитысячной повстанческой армии батьки Махно.

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 10:

«Победители.....»

- В Украинском ЦК о тебе, Григорий Иванович, не самого лучшего мнения, – Фрунзе (см. прим.) внимательно посмотрел на Котовского. – Говорят, дескать, капризен, вспыльчив, недисциплинирован! Отчего так?

Разговор велся приватно не в кабинете Наркомата военных и морских дел, а в уютном зале одного из коммерческих ресторанов у Покровских ворот.

- Я, М-михал Васильич, скажу тебе прямо: не признаю иной дисциплины, кроме самодисциплины! Таков уж я, не обессудь, – резко заметил Котовский.

- Ты, Григорий Иванович, не заводись! – спокойно, но твердо парировал Фрунзе. – Нам с тобой делить нечего. Мы оба прошли одну школу – школу каторги и смертного приговора. Твой характер мне хорошо известен. За то тебя и ценю и уважаю. Но пойми и ты меня! Для меня партия не пустой звук. Я жизнь положил на ее строительство. Это больше чем семья, это смысл... Это уже в крови, в плоти. Я обязан

подчиняться решениям ЦК – это основа партийной дисциплины. А без внутривластной дисциплины все рухнет.

- Опять ты за свое, – усмехнулся Котовский. – Дисциплина, партия! Да, на рожна нужна такая дисциплина, если она вредит главному! В стаде баранов тоже дисциплина...

- Ну, ты, не перегибай! - обиделся Фрунзе.

- Ладно, - улыбнулся Котовский. – Забудем. Не хотел тебя задеть. Принимаю. Это я всю жизнь, как волк-одиночка. Я ведь с вами, большевиками, пошел не из-за убеждений коммунистических, а потому, что увидел за вами силу. Я ведь за справедливость. А справедливости без силы быть не может. По пути нам оказалось. А сейчас гляжу я вокруг, и многое мне не нравится. Хотя агитпроповскую риторику усвоил хорошо!

Фрунзе молчал, изредка отпивая из бокала «нарзан».

- Ты, поди, читал мою речь на съезде в Киеве, она должна быть в «Правде». Я ж после съезда сразу к тебе в Москву.

- Читал, само собой, – Фрунзе допил «Нарзан». – Хорошая речь. Агитатор ты, Григорий Иванович, что надо!

- Ну, вот видишь, – Котовский самодовольно хмыкнул. – Я тебе так скажу, что эти кабинетные дурни в Киеве, да и в Одессе тоже, они мне завидуют! Я кто? Герой, политкаторжанин, командир отдельного кавкорпуса, к тому же хозяин целой волости. На кой черт мне их бестолковые распоряжения?

К столику неслышно подплыл розовощекий официант.

- Товарищи командиры изволят чего-нибудь еще?

- Изволят, – с барской интонацией отозвался Котовский. – «Нарзана» наркому еще и водки мне. Да распорядись, чтобы с горячим потопились!

- Эко ловко у тебя выходит, – засмеялся, провожая взглядом унесшегося выполнять заказ официанта Фрунзе, – «распорядись горячее»!

- Эх, Михал Васильич, дорогой! Были денечки в годы молодости моей разбойной, как сиживал я в ресторане в Аркадии, – мечтательно вздохнул Котовский.

- Где, где? – не понял Фрунзе.

- В Одессе, есть такое место Аркадия! – пояснил Котовский. – Хорошее место, Михал Васильевич, замечательное!

- Не бывал, – с грустью в голосе заметил Фрунзе. – Вот вроде бы надо мне тебя за твои барские замашки распечь, а вот не могу. И хотел

бы тебя по дисциплинарной линии, как старший воинский начальник поприжать, опять же не могу. Любуюсь тобой, Григорий Иванович. Ты говоришь и в атаку с шиком ходил?

- Было дело, – подбоченился Котовский. – И, даст Бог, еще будет!

- Ну, про Бога это ты зря, – нахмурился Фрунзе. – Мы, большевики, ни в бога, ни в черта не верим!

- Хороший ты человек, Михал Васильевич! – заметил Котовский. – Хотя и дисциплинированный большевик. А насчет Бога, так это я к слову. Но скажу тебе без протокола, народом управлять без Бога не получится. Нужен он народу, понимаешь!

- Ты выпил, что ли, лишнего, – снова рассердился Фрунзе и замолк, увидев официанта, приближающегося с уставленным выпивкой и закуской подносом.

- Водка это не вино! – пригубив, скривился Котовский. – Вот у нас в Бессарабии пивал я вино, так то же песня, эх! Михаил Васильевич, вот как прогоним мы румын за Прут, приглашу я тебя попить настоящего вина!

- Вина не пью, Григорий Иванович, – вздохнул Фрунзе, – язва у меня...

- Вылечим, а потом и выпьем, – уверенно произнес Котовский. – Человек! Счет!

АРХИВ 6 :

Из доклада начразведупра Штаба РККА Якова Берзина «О работе по дезинформации»

Самую деятельную разведку вели и ведут в России Польша и Франция (последняя главным образом через Польшу). Из окраинных особенно выделяется Эстония, являющаяся в общем посредником для других государств, как-то: для Финляндии, Англии, Японии, отчасти Германии.

Исходя из этих предпосылок, а также учитывая наших возможных ближайших противников, в первую очередь необходимо было уделить центральное внимание Польше и ее покровительнице Франции, попутно передавая дезинформационные материалы и Эстонии, в расчете на то, что они попадут и в другие государства.

Благодаря ряду дислокационных данных общее количество пехоты в организационных объединениях является в представлении Эстонии, Польши и Франции в следующем виде: 19 армейских корпусов, 41 стрелковая дивизия, 20 территориальных стрелковых дивизий. Всего 61 дивизия.

Фактически: 15 армейских корпусов, 36 стрелковых дивизий, 26 территориальных стрелковых дивизий. Всего 52 дивизии.

Кавалерия:

Общее количество кавалерии в организационных объединениях, до последней реорганизации, восприняты в следующем составе: 13 кавалерийских дивизий, 6 отдельных кавалерийских бригад.

Фактически: 10 кавалерийских дивизий, 9 отдельных кавалерийских бригад.

Артиллерия: Воспринятый состав и ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения прим. ред.) в 10 группах трех дивизионного состава

Фактически: 4 группы двух дивизионного состава.

Бронесредства: Бронепоездов – 117 единиц, фактически к июню 1924 г. – 46 единиц.

Танков – 191 единица, фактически – 1 танковая эскадра.

Многу приведены лишь самые основные и самые важные данные, воспринятые с той или иной оценкой нашими противниками, на которых они и строили свои расчеты.

Выводы:

На основании приведенных в настоящем докладе главных данных и ряда дополняющих их мелочей можно прийти к заключению, что те государства, которые систематически снабжались в течение двух лет ложными материалами, восприняли таковые как не подлежащие сомнению и на таковых основывали свои расчеты.

К государствам этим, в первую очередь, могут быть отнесены : Польша, Румыния, Франция, Эстония. На втором месте находятся Италия, Япония, отчасти США.

Отсюда следует:

1) Поскольку количество стрелковых и территориальных дивизий не соответствует действительности, то предположения о развертывании не могут быть верны, если бы даже противниками был правильно уловлен принцип развертывания.

2) В отношении артиллерии и бронесредств у противника создано совершенно ложное представление, выявляющее при этом нашу сравнительно богатую обеспеченность этими средствами борьбы.

3) В отношении воздушного флота увеличение достигает почти 50–60%, не считая бомбардировочной авиации, которой у нас как самостоятельной организации совершенно не имеется.

Что касается военной промышленности, то у противников также создано совершенно неправильное понятие о производственных возможностях на мирное время, а отсюда, следовательно, и на военное время.

Суммируя отдельные частности, можно прийти к одному общему заключению: все перечисленные выше данные, из которых некоторые были переданы больше года тому назад и проверялись в течение всего истекшего года, логически приводят противников к неверному представлению о Красной армии и ее боевой мощи в целом, и, следовательно, их предположения о планах войны на этот год, также неверны.

В заключение к сказанному нахожу полезным прибавить, что военный министр Польши генерал Сосновский в своей речи от 2 декабря 192...г., отстаивая перед сеймом увеличение военного бюджета армии, в доказательство правоты своих цифр оперировал данными, приведенными в настоящем докладе, а также основывал на наших последних дезинформационных материалах. Интересно также отметить, что официальный труд 2-го отдела польского генерального штаба «Красная армия 192... года» также в значительной степени основан на наших ложных материалах.

Заключение:

Были отмечены те основные достижения, которые удалось провести в течение двухгодичной работы и которые сводятся, в основном, к тому, что наши ближайшие противники на Западе в целом находятся на совершенно ложном пути в оценке технической мощи Красной армии и мобилизационных перспектив.

Проводимый нами по директиве председателя Реввоенсовета СССР курс усиления в ложных документах нашей армии по сравнению с фактическим ее состоянием, кроме положительных, имеет и отрицательные результаты в том смысле, что, исходя из преувеличенных данных, противники ставили своей задачей срочное усиление

ние своих армий. Быть может, в эти годы курс на «усиление» был правильным, но в данное время вряд ли целесообразно пугать противников и побуждать их к усилению своих армий.

Я полагал бы полезным прекратить дальнейшее «раздувание» и взять курс на сокращение и качественное улучшение всей нашей армии. Заканчивая на этом свой доклад и представляя его на Ваше усмотрение, прошу Ваших указаний как относительно курса работы, так и по отдельным особо важным вопросам (технические и специальные войска, воздушный флот, военная промышленность).

Начразведупра Штаба РККА Берзин»

Разговор продолжился в кабинете Наркомвоенмора в присутствии начальника разведки РККА Якова Берзина (см. прим.). Фрунзе одобрительно улыбнулся и протянул Котовскому папку с грифом «Совершенно секретно».

- Изучи этот документ и доложи мне свои соображения, – сказал Фрунзе

- Что это? - спросил Котовский.

- Доклад Штаба РККА «о работе по дезинформации» председателю Реввоенсовета, – пояснил Наркомвоенмор и добавил. - Дело в том, что на военном совещании в сентябре этого года с участием представителей Франции, Польши и Румынии состоялся обмен разведывательными материалами в первую очередь между государствами, состоящими в союзных отношениях, то есть теми же Польшей, Румынией и Францией. А затем передача и обмен разведывательными материалами между государствами, не состоящими официально в союзных отношениях, но рассматривающих СССР как потенциального противника. Материалы эти тебе, Григорий Иванович, известны...

Начальник разведки взглянул на Котовского.

- Наши материалы дезинформационного характера переправлялись румынам через ваши каналы, Григорий Иванович. Из моего доклада, с которым вы ознакомитесь, ясно, что материалы эти свою роль сыграли. Но... - тут начальник разведки сделал паузу и посмотрел на Фрунзе.

- Продолжайте, – сухо произнес наркомвоенмор.

- Хорошо, – с легким прибалтийским акцентом произнес Берзин.
- В связи с этим мной получена секретная информация из иностранного отдела ОГПУ об оперативной разработке комкора Котовского,

как завербованного румынами агента. Версию эту инициировал лично Троцкий, разработкой ее занимается Генрих Ягода. Цель – собрать компрометирующий материал на Котовского с дальнейшим его устранением путем судебно-расстрельной процедуры. Такое уже случилось с подачи Льва Давидовича. Нужно выяснить, где допущена утечка в канале передачи информации. Возможно, ваш канал, Григорий Иванович, нужно временно законсервировать...

- От уж мне эти чекисты-особисты, – побагровел Котовский

- Григорий Иванович, погоди ты, чекист чекисту рознь! – Фрунзе поднял руку, как бы предостерегая собеседника от излишних эмоций. – Погоди, не горячись. Мы не в атаке. Тут крупная игра идет, игра политическая. ГПУ контролируется не нами. Пока не нами. За то время, что Дзержинский был на других участках политической работы, его детище ВЧК из карательного меча революции превратилось в инструмент влияния внутри государства. Подумать только, в центральном аппарате ОГПУ больше трех тысяч сотрудников! А начинал-то Феликс в восемнадцатом году с тридцати двух сотрудников на Гороховой. Интриги, подсиживание, черт знает что творится в этой конторе! Ну, дойдем и до них, вычистим всю сволочь. Главное, нам удалось собрать лучшие кадры ВЧК в нашей военной разведке. Это хороший задел на будущее, которое разрешит главный вопрос нашей эпохи, кто кого одолеет в большой войне... Исторически это предопределено. Так что, товарищи командиры, еще повоюем! Мы все неплохо поработали по линии нашей военной разведки. Главное достигнуто - дезинформация воспринята противником.

Котовский загребел шашкой, зашевелился, нервно дергая головой:

- Я, М-михал Васильевич, привык видеть врага по ту сторону фронта! А здесь, я гляжу, враг рядом, среди своих, - перебил он наркомвоенмора.

Начальник разведки, невозмутимый латыш, воплощал абсолютное спокойствие.

- Григорий Иванович, – Фрунзе встал из-за стола и прошелся вдоль кабинета.

- Политические реалии после смерти Владимира Ильича таковы, – он посмотрел на портрет Ленина, украшающий стену с торца стола. – Вопрос о власти в партии стал вопросом о власти в стране. Не политические словоблуды типа Зиновьева, а мы, военные, победившие в

гражданской войне, должны выйти на первые роли. Завещание Ильича не выявило преемника. Более того, в предсмертном письме «К съезду» Ильич ясно указал на опасность создания группировок внутри партии вокруг Троцкого, с одной стороны, и Каменева и Зиновьева, с другой. К кому примкнул Сталин и Бухарин, также отмеченные в завещании, пока не ясно. Но уже сейчас мне ясно одно, – Фрунзе налил себе воды из пузатого графина. – Там, где ступила нога красноармейца, там начинается советская власть. Мы во вражеском окружении, которое ждет удобного случая, чтобы обрушиться на молодую республику Советов. Я готовлю для политбюро доклад о новой военной доктрине. Мой главный враг и соперник Троцкий двигает салонного мальчика-гвардейца Тухачевского, который также готовит свою доктрину. Троцкий через своих людей в ЧК-ОГПУ целенаправленно ликвидирует ярких командиров из народа. В 1919 на Урале сдал белым Чапаева, подвел под Трибунал Миронова и Думенко...

- Но, М-михал Васильевич, – Котовский недоуменно потер лысину, – Троцкого все же удалось сместить с поста Наркомвоенмора?

- Удалось, – удовлетворенно подтвердил Фрунзе и посмотрел на Берзина. Тот, не меня напряженной позы, улыбнулся уголками рта.

- Удалось сместить Льва Давидовича с помощью Сталина, – продолжил Фрунзе. - Сталин жесток и тверд, а наш друг Клим Ворошилов близок к нему. Мы, военные, опираясь на партийный аппарат Сталина, должны прийти к реальной власти в стране. А поможет нам Клим Ворошилов.

- Ворошилов храбрец и агитатор, но не стратег и не тактик, – отрезал Котовский.

- Если позволите, – начальник разведки поднял палец.

- Давай, Яков, – разрешил Фрунзе.

- Ворошилов ненавидит Тухачевского, а еще больше Троцкого. Он будет действовать, движимый мотивами этой ненависти, – Берзин замолчал, давая понять, что больше ему добавить нечего.

- С кем воевать, мне понятно, – заметил Котовский, - но мне кажется весьма актуальным вопрос о собственности, о хозяине, о том, как обустраивать мирную жизнь, богатеть. Материальная основа власти - в богатстве. Бедность и нищета - плохая опора для армии-победительницы. А такой и только такой должна быть наша, – Котовский показал на себя, Фрунзе и Берзина, – Красная армия.

- Дискуссия об отношении партии к проблеме частной собственности в ее хозяйственном аспекте будет, я думаю, нешуточная! – Фрунзе вздохнул. – Не все понимают установку Ленина на необходимость кропотливой работы в такой стране, как наша, с ее многоукладностью и преимущественно крестьянским элементом. Троцкий, к примеру, сторонник и проповедник директивного метода хозяйственного строительства, и он намерен внедрять политику лагерей и трудовых армий. Что дала нам эта политика, учитывая опыт Тамбовского мятежа, мы уже знаем. Так что, товарищи командиры, рано или поздно наши противоречия с Львом Давидовичем станут нетерпимыми. Надо подготовиться к этому заранее...

- Э-эх! Тамбовщина! – покачал головой Котовский. - Тухачевский газом травил мятежников по лесам, да так ничего не добился. А чтобы мужику стимул к мирной жизни дать, так для этого надо понимать в хозяйстве, а не только полки расставлять по картам. А иначе придется газом полстраны потравить! Ядро бандитское мы повырубили и на Тамбовщине, да и Махно хребет сломали, но я думаю, если рубкой увлекаться, то зайти можно очень далеко. Рубку надо отложить до той войны, о которой ты, М-михал Васильевич, говорил. А по хозяйственному вопросу есть у меня идея создать военно-промышленное общество и привлечь сюда частный капитал, но для этого мне нужно твое, Михал Васильевич, согласие и одобрение....

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 11:

«Партийная семья»

- Ну, вот теперь вы, Григорий Иванович, полноправный член нашей партийной семьи, семьи большевиков, – значительно произнес Генсек, вручая Котовскому красную корочку партийного билета.

- Благодарю за доверие! – Котовский принял из рук Сталина пурпурную книжицу с золотым тиснением «ВКП (б)». Он повертел ее в могучих ладонях, положил в карман френча, вздохнул и провел правой рукой по лысине ото лба, до затылка.

- Н-да! – усмехнулся Генсек, – ответственность велика! За все теперь надо будет отвечать перед партией. А спрос ее суров. Но и возможности иные, – Сталин поднял желтый от табака указующий перст,

– большие возможности, Григорий Иванович. Вы человек энергичный, в народе известный, не то, что мы, бюрократы кабинетные!

Котовский с удивлением посмотрел на Генсека, уловив в его словах какую-то странную иронию.

– Да! Да! – махнул рукой Генсек. Он обошел стол, достал из верхнего ящика трубку и, набивая ее табаком, продолжил. – Да вы присядьте. Давайте без чинов. Ладно?

Котовский опустился в кресло справа от стола, ловко пристроив именную шашку между ног. Сталин заметив это, хмыкнул и раскурив трубку, сел на свое место.

– Вы хорошо чувствуете оружие, Григорий! У нас на Кавказе это ценят. А что до известности в народе, так я о том, что, глядишь, лет, эдак, через десять станете партийным начальником, вождем, и буду я перед товарищем Котовским держать ответ за бюрократические проволочки и заорганизованность. А, Григорий?

Котовский улыбнулся. Прищурив глаз, он с обезоруживающей прямоотой добавил:

– Это вряд ли, товарищ Сталин. Я человек военный. Мне бы армию в бой вести. А в партийные вожди не стремлюсь. Не мое!

– Это хорошо, что вы так говорите, – посуровел Сталин. – Я вам верю, Григорий. Мы с вами друг друга понимаем. Еще с польского фронта... Наши взгляды на тот позорный провал Тухачевского сходятся. Вы повели себя как настоящий герой в самую трудную минуту. Знаю, в молодости вы были настоящий бессарабский абрек?

– Было дело – лихачил! – подтвердил Котовский.

– Дело молодое, горячее! – одобрительно подметил Сталин. – Я ведь тоже в юности в шумных акциях участвовал. Кстати, какая у вас была кличка?

– Атаман Адский! – не без вызова произнес Котовский.

– Хорошее прозвище, – заметил Сталин. – А я вот, выбрал себе имя Коба – был такой мститель в горах Кавказа. Косил врагов народа направо и налево.... Так что, атаман Адский, нам предстоит много работы. Немало врагов предстоит выкосить. Причем, не только внешних, но и внутренних!

«Эдипова пляска»

- Этот Красный Мюрат весьма занятная личность, Экселенц! – начальник Восточного отдела *Сигуранцы* (см. прим.) был учтиво сдержан.

- О! Не преуменьшайте достоинств этого гоголевского героя наших дней. Воистину он подлинный Тарас Бульба, – *руководитель секретной службы* (см. прим.) по происхождению был славянин и неплохо разбирался в русской классике.

- Как-как, Ваше превосходительство? – не понял начальник восточного направления, бывший фронтовой разведчик, имевший слабое представление о литературе вообще, а о русской тем более.

- Ну да! – усмехнулся генерал секретной службы. – В русской классике есть такой автор Гоголь, он придумал почти эпического героя, казака-мстителя Бульбу.

- О! Конечно, Ваше превосходительство! – почтительно кивнул полковник.

- Теперь о деле, мой друг! О деле, – генерал на секунду задумался и машинально одернул борта моднейшего, сшитого в лучшей парижской мастерской пиджака. Он вообще не выносил военную форму, этот генерал, ни разу не носивший погон. – Так вот, мой друг, недавно подвернулся мне интересный материал, который при правильном раскладе вполне может быть нами использован для ликвидации этого, как вы выразились, красного Мюрата. Некий порочный юноша из полуразорившейся аристократической семьи выходцев из Бессарабии. Вам что-либо говорит фамилия Кузенкорно? Нет? О! Это фамилия того самого князя в имении, которого после аграрного училища практиковал наш «Мюрат». Все это случилось в 1902 году. Боже мой! Там у него произошел бурный роман с молодой женой пожилого аристократа. Была бурная сцена. Ну, вы понимаете. Потом Мюрат прибил ревнивого мужа и отправился туда, куда его отправил императорский суд, откуда он вышел закоренелым разбойником-анархистом. Так вот в том же году княгиня, будучи уже вдовой, родила мальчика. Она вторично вышла замуж за богатого еврея-откупщика и переехала после революции 1917 года в Констанцу. А мальчик рос. И мальчик вырос, мой друг. Уже в 16

лет это был закоренелый контрабандист, постоянный посетитель портовых кабаков и притонов. Семья отказалась от него, когда он оказался замешан в убийстве и разбойном нападении. Отчим его скончался, а мать, княгиня Кузенкорно, сегодня хозяйка ресторана «Русский трактир» в одном из районов Нью-Йорка. Других родных у него нет. Но я предполагаю... - Шеф секретной службы достал из ящика массивного стола две фотографии. - Взгляните! Вот это фотография нашего Мюрата в возрасте 22 лет. Копия из секретного дела Императорского жандармского управления. А это фотография Ангела Кузенкорно, содержащегося сейчас под следствием в тюремном доме города-порта Констанца. Вы не находите, что эти люди очень похожи?

Начальник восточного отдела схватил обе фотографии. Напряженно сопя, он вглядывался в снимки, разделенные почти двумя десятилетиями жизни.

- Вы правы, мой генерал, - восторженно произнес он, возвращая фотографии, - если я правильно понял...

- Да, мой друг, вы правильно поняли. При верной постановке паритеты этот юноша станет идеальным орудием мести. Кстати, он великолепный стрелок. Наверное, это наследственность. Силен, ловок, безрассуден, азартен. Знает о том, что его отец князь Кузенкорно был убит нашим Мюратом. Дальше уже наша с вами забота.

- Это гениально, Экселенц! - выдохнул полковник. Он и в самом деле восхищался изощренным умом своего шефа, признавая за ним более высокий интеллект и способность к широким обобщениям.

- Ну что вы, мой друг, - шеф встал из-за стола. Полковник вскочил и вытянулся по стойке смирно.

- Будет, будет, - махнул рукой начальник секретной службы. - Я ценю вашу практическую хватку, мой друг. Мы нужны друг другу. У нашей страны, собирающей утраченные земли, множество врагов. И Красный Мюрат один из опаснейших. Надо продумать все до мелочей. Подключить коллег в Варшаве. Найти тех, кто сможет обеспечить прикрытие в недрах большевистского ОГПУ. Одним словом, работы будет много. После же, когда план ликвидации будет осуществлен, мы расскажем юному мстителю о том, кто был его настоящий отец...

- О! - понимающе кивнул полковник.

- Трагедии Эсхила в современной трактовке, - засмеялся шеф. - Вы будете коньяк, мой друг?

- А? Простите? коньяк? Не откажусь! – согласился начальник восточного направления.

- Царь Эдип! Или нет, Эдипова пляска! Да, так мы и назовем эту операцию, – начальник секретной службы поднял рюмку. – За успех!

- Ваше здоровье! – полковник кивнул и лихо опрокинул рюмку.

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 13:

«Пальмы Сухума»

Субтропики ассоциировались у Льва Троцкого отнюдь не с местами для органичного курортного отдыха, но с экзотическими местностями, где пробуждение национального духа среди угнетенных колонизаторами аборигенов может быть достигнуто не переменным и постоянным экспортом революции. В той или иной форме. Вооруженные толпы цветных обитателей экзотических местностей, под руководством обученных Коминтерном инструкторов, должны были нести Красное знамя мировой революции, расчищая место для марксистских деятелей с университетским образованием. А уж эти стали бы строить новые общества, лихо перепрыгивая через века исторических этапов, устанавливая торжество единственно верной теории и практики преобразования жития человеков.

- Мне не хватает здесь, в Сухуме, энергетического общения, – посетовал Лев Давидович, протирая пенсне ослепительной белизны платочком.

Генрих Ягода (см. прим.) внимательно слушал вождя, слово которого еще недавно двигало полки и армии, чье имя вселяло ужас в либеральных буржуа Европы. Ныне же соратник Ильича, столь же полноценный и полновластный распорядитель революционной диктатуры, пребывал на отдыхе в субтропическом климате ленивого Сухума.

- Отсутствие энергетики, покой, конечно, укрепляют физическое здоровье, но, - Лев Давидович погладил клиновидную бородку, – они же склоняют к расслабленности, к гуманизму. А в нашу эпоху гуманизм и расслабленность это политическая смерть, дорогой Генрих!

- Я всегда помню ваши пророческие слова, Лев Давидович, о том, что гражданская война не есть школа гуманности, – ответил Ягода.

От мраморного крыльца с колоннадой бывшего особняка Бакинского нефтепромышленника Мангулова, сейчас дачи № 15 при управлениях ЦИКа РСФСР, пальмовая аллея сбегала на каменистый пляж. Он был пустынен, несмотря на то, что сезон купания еще не закончился. Только несколько видимых в отдалении вдоль берега фигур в военной форме немного оживляли пейзаж. Добавляли ему некую казенную солидность.

- Вы замечательно усвоили этот урок, Генрих! – похвалил Троцкий. – Я знаю, как безжалостно боролись вы с врагами нашей власти в Харькове. Контрреволюцию надо искоренять и вы справились с этой задачей блестяще. Кстати, наши европейские коллеги по Коминтерну не раз говорили мне, что они никак не могут понять неизбежность репрессий, расстрелов. На том основании, что мы – победители, наши европейские коммунисты требовали от нас великодушия! Нам предлагали ограничиваться тюремным сроком и чаще применять институт амнистии.

Лев Давидович презрительно усмехнулся.

- Они не понимают, что вопрос о личной репрессии в революционную эпоху принимает совсем особый характер, от которого бессильно отскакивают гуманитарные общие места. Борьба идет непосредственно за власть. Борьба не на жизнь, а на смерть – в этом и состоит революция, и какое же значение может иметь в этих условиях тюремное заключение для людей, которые надеются в ближайшие недели овладеть властью и посадить в тюрьму или уничтожить тех, которые стоят у руля? С точки зрения так называемой абсолютной ценности человеческой личности революция подлежит осуждению. Как и война, как, впрочем, и вся история человечества в целом. Революция требует непреклонности. Надо иметь неиссякаемую силу воли, чтобы перешагнуть через путающиеся в ногах предрассудки гуманности. И мы это сделали, потому и победили! – Троцкий торжествующе воздел правую руку. – Человечество получит настоящую, свободную от эксплуатации историю. Даже если для этого придется пожертвовать гуманностью.

- Лев Давидович, – Ягода внимательно посмотрел в лицо вождю. – С врагами дело ясное, искореняем непреклонно.

- Дорогой Генрих, - Троцкий опередил начальника Иностранного отдела ОГПУ, – вам следует продолжить начатую работу, продолжить до полного ее завершения. Волна революции подняла на гребень мно-

жество удачливых авантюристов, которые, не скрою, активно помогли нам разгромить контрреволюционные армии Колчака, Деникина и Юденича. Некоторых мы даже наградили. Но поймите же Генрих, эти все Чапаевы, Мироновы, Думенки, Махно и прочие крестьянские вожди (российские и украинские Карлы Моры) ни рожна не смыслили и не смыслят в марксизме, за исключением, пожалуй, Махно. Да и тот, больше бандит-анархист с националистическим душком. А человек, не имеющий прочных знаний в теории марксизма, ненадежен, склонен к идеалистическим настроениям, к патриархальщине! Такой тип не станет дисциплинированно строить общество нового типа. Общество без этих кровотокающих язв капитализма городских агломераций. Без этого утонувшего в пьянстве и предрассудках села. Такой тип пуповиной связан со старым укладом жизни. Новому укладу он учиться не станет. Рано или поздно взбунтуется. Нам что, нужна очередная Тамбовщина? Или... Котовщина?

К тому же, Генрих, в партии идет беспощадная борьба за наследство Ленина. Сталин, этот циничный провинциал, которого марксизм освободил от множества предрассудков, не заменив их, однако, продуманным мировоззрением, вероломно и систематически подбирает вокруг себя либо простаков, стремящихся жить, не мудрствуя лукаво, либо обиженных на меня еще со времен дореволюционных. Таковых немало, поверьте!

Сталин давно ненавидит Тухачевского, ненавистью выскочки к талантливому выдвиженцу. А Тухачевский склонен увлекаться и не замечать опасности. Фрунзе полон амбиций, и авторитет его высок. Сплотившись, они, Сталин и Фрунзе, вполне могут затеять переворот. И в тот же день им понадобится тот, кто расстреляет нас с вами, дорогой Генрих, и еще очень и очень многих сведущих в теории марксизма. Такова логика неучей. Можем ли мы быть гуманны?

- Да, Лев Давидович, – Ягода кивнул и достал из кармана широченных галифе пачку папирос, – я завершу эту работу в ближайшее время.

- Действуйте решительно и быстро! – Троцкий повернулся и пошел по аллее к крыльцу. Вечерело, а вождь привык принимать пищу в строго установленные часы.

Из особняка слышались звуки фортепьяно. Это разминал пальцы известнейший пианист, приглашенный Львом Давидовичем провести короткий отпуск вместе. Пианиста Троцкий знал с детства с той поры, когда они учились в Одесском реальном училище.

Ягода закурил, с наслаждением вслушиваясь в тихий рокот прибоя.
- Я-то все сделаю как надо, - подумал Генрих, сплевывая горькую от никотина слюну. – Да только тебе, Лев Давидович, это вряд ли поможет. Закатывается солнце твое, «Демон революции»...

И еще подумал товарищ Ягода о том, что Сталину, с которым у него был доверительный разговор по поводу поста руководителя ОГПУ, о комбинации Троцкого с Котовским и румынской агентурой знать не надобно вовсе...

- Пусть они там наверху друг друга жрут! – решил Генрих, - А я тем временем понемногу тоже наверх подниматься стану... И вот так-то! А там посмотрим, кто наверху останется...

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 14:

«Материя против духа»

Бывший автомобиль начальника французской экспедиционной миссии, ныне находящийся в распоряжении управляющего Одесским представительством Военно-промышленного общества имени ЦИКА Красной Украины Мейера Зайдера, или Зайдера Майорчика, с небывалой для этой местности скоростью 45 км в час катился по проселочной дороге между шестнадцатой станцией и Дачей Ковалевского. Эти машины, прозванные из-за своей формы «браунингами», прославились во время первой мировой войны, когда 600 парижских такси «Рено» было мобилизовано для переброски пяти тысяч солдат к передовому рубежу на реке Марна, трещавшему под напором немецкого наступления. На сиденье позади водителя, облаченный в партикулярную пиджачную пару и белоснежную сорочку, изнывал от жары Котовский. Он тоскливо глядел по сторонам и обмахивался нэпманской соломенной шляпой-канотье.

- Майорчик! – перекрикивая гул мотора, гаркнул Григорий Иванович. – Что у нас по предприятиям корпуса?

Майорчик, хорошо знавший повадки «хозяина», способного затребовать отчета в самой неожиданной обстановке, сбавил ход и громко, отчётливо затараторил:

- Четыре месяца назад корпус взял в аренду в Уманьском уезде сахарный завод, принадлежавший ранее частному спекулянту, который

за задолженность государству более 63 тысяч пудов сахара был посажен на 5 лет в ДОПР. Завод был в ужасном состоянии. Машины поломаны, огромная задолженность крестьянам и рабочим. Корпус через свое военно-потребительское общество вложил большие средства: заново отремонтировал все машины, закупил большое количество сырья, дров и угля. В итоге, одно только сахарное производство текущего года дало государству 50 000 пудов сахарного акциза. Кроме того, корпус расплатился с рабочими и плантаторами и имеет в качестве оборотного капитала 30 000 пудов сахара самого высшего качества.

- Не меньший доход корпусу дает также и кожевенный завод. Как и сахарный, он был взят в состоянии полного развала. Благодаря затратам корпусом своих средств, а также правильному и умелому ведению дела, завод был быстро поставлен на ноги. Дело поставлено образцово, благодаря чему кожа получается лучшего качества и высоко ценится на рынке, - сообщил Майорчик четко заученный текст, сочиненный начальником агитационно-массового отдела корпуса для областной партийной газеты.

Котовский слушал доклад молча, изредка кивая головой в знак одобрения.

У ворот монастыря Котовский велел Майорчику.

- Притормози!

На стене монастыря черной краской было грубо намалевано: «Религия - опиум для народа». Перед воротами топтались ребятишки с красными повязками, некоторые покуривали, другие вяло переругивались с богомольными старушками.

Котовский наклонился через сиденье к водителю.

- Майорчик, кто это? - спросил он Зайдера, затягивающего рычаг ручного тормоза.

- Это, Григорий Иванович, комсомольский антирелигиозный патруль, - пояснил Майорчик. - Тут вся Одесса от этой шантрапы с ума сходит. Как же, комсомольцы, юные помощники чекистов!

- Ну-ну! - буркнул Котовский и грузно полез из машины, - жди, к машине никого не п-подпускай!

Он смачно сплюнул и зашагал прямо на группу активистов...

В келье было тихо и прохладно.

- Тяжело на душе. Груз какой-то невыносимый, - вздохнул Котовский.

- И не удивительно, Гриша, – грустно улыбнулся старец. – Нет в тебе цельности духовной и покоя от того нет. Ты же и ко мне пришел, переодевшись в гражданское платье. Таишься, выходит. От своих комиссаров таишься? Я-то знаю твое бесстрашие. Чего бы тебе таиться?

- Ох, старец, – заскрипел зубами Котовский – Т-т-ты и не представляешь, как ты меня сейчас больно ударил!

- Я ли, Гриша? – поднялся во весь рост старец Иона – Я ли?! Не сам ли ты исхлестал себя гордыней своей. Осутился, несешься как бесноватый в крови весь до бровей уже!

- Ох, старец! – Григорий застонал, обхватив могучую голову руками. – Так тяжело, что по ночам вою. А утром, глаза бы ничего не видели – всё обрыдло... А что своих таюсь, то правда. Я же член ЦИКа, комкор, орденносец, недавно в партию большевиков поступил. А как иначе? Мне вон Ф-фрунзе говорит: «Будешь вне партии, не смогу тебя в свои замы выдвинуть». Вот я и вступил в ВеКаПеБе. Так-то, отец. И все вроде бы верно. И шел от победы к победе и народ меня любит... А вот тяжело, жить немоготу. Не хочется мне жить. Веришь ли? На ка-торге, в кандалах легче было... Скажи, отчего так?

- Я, Гриша, тебя крестил! – строго сказал старец. – Родителя твоего знал. Дельный был человек, богобоязненный. Матушку твою он любил. Но призвал ее господь. Ты без ласки рос материнской, среди людей немилостивых, так что жестокости тебе не занимать. Но на то ли тебя господь сподобил, наделил силушкой, талантом вести за собой людей? Тебя ли народ любит? Или имя твое дерзкое? Каялся ли ты, когда лудишек шашкой кромсал? Вспоминал ли о душе, о Боге?

- Ах, старец! – вскипел Котовский и поднялся во весь рост. – Ты меня жестокостью не попрекай. Меня, как зверя дикого, травили. По этапу, как скотину, гнали. А за что? За то, что я отбирал у богатых награбленное, за то, что я заступался за бедных? Где твой Бог был, когда помещик на моих глазах собаками затравил детей, забравшихся в сад. Детей, чьих родителей он же разорил и без куска хлеба оставил?

- Ты на меня не рычи! – еще жестче рек старец.

Сухой и крепкой рукой он неожиданно резко взял Григория за плечо и усадил на место, как гвоздь воткнул.

- Вот-ка, сядь! – прикрикнул старец. – И не смей виснуть надомной! Молоде еще...

Он вздохнул, вытер выступивший на светлом лбу пот и с неизъяснимым сочувствием перекрестил троекратно Григория.

- Прости, старец, – опомнился Котовский и опустил голову.

- Господь простит, коли покаешься, – старец пожевал сухими губами. – Вот ты, Григорий, послушай. Во время оно приезжал сюда государь император Николай Александрович. Прости Господь душу его грешную. Аккурат было это перед Японской войной, перед Цусимой. Говорил он мне, как ты сейчас, что, мол, тяжело, что, мол, мучительно, что, мол, народец непокорен и без кнута и виселицы, не обуздать его... Сказал я ему: покайся, Государь, последуй совету, не мешайся Петру Аркадьичу Россию укреплять. И трон сохранишь и себя спасешь! Государь на меня так посмотрел, только что не вскочил как ты. Тихий был, но памятливей!

- Петр Аркадьевич, это который Столыпин? – буркнул Котовский.

- Он самый, Гриша, он самый... А далее говорю государю: было, мол, мне следующее видение: увидел я Крест, на Кресте — Распятый Христос, а под Крестом японский император микадо саблей махал и крики кричал. Государь тут засмеялся и говорит: «Спасибо тебе, повеселил не хуже сказочника Жуковского!». Руку поцеловал и ушел. Потом, однако, Гришка Хлыст распутинский его веселил. И довеселил. А победа тогда досталась японцу.

- Николашка власти боялся. Трусоват был император Расейский, – буркнул Котовский. – Я, отец мой, власти не боюсь, я за справедливую власть бьюсь.

- Ты, Гриша, и впрямь, ополоумел, – усмехнулся старец, – да разве ж бывает власть мирская справедливой? Это еще у Экlesiаста сказано: «Не спеши от царя идти, при деле злом не присутствуй, потому что властно слово царское и кто ему скажет: Что творишь ты?»

- Эх, старец! Твоя правда! – кивнул Григорий Иванович. – Та власть была народу мачехой. Да и нынешняя народ не приголубит. Я уж устал считать,

сколько сел и местечек с девятнадцатого года под большевиков положил. Не отмыться мне от крови крестьянской. Днем еще ничего – дела, дела. А по ночам страшно...

- Совесть тебя гложет, Гриша, совесть. А бояться стал – значит, бога в душе утратил. С богом-то не страшно. Бог, он и правда и истина! – строго заметил старец.

- Да что мне Бог! Бог он на Небеси, а мы-то на земле! – чуть не взвыл Котовский. – У меня хозяйство – миллион червонцев в обороте! Двадцать тысяч сабель. Арендаторы, посевы. ЦИК, автономия! Это ж сколько трудов положено! Да и враги у меня будь здоров! Только дрог-ни! Сотрут всё, растащат! Что мне Бог твой, чем поможет?

- Эх, Гриша! Тяжко тебе – заплутал ты. Собрал сам гнев свой на день гнева и откровение суда божьего. А и то верно. Скажу я тебе, что когда по-божески поступаешь, никакая власть тебе поперек не скажет. На то и мученичества пример нам Спасителем дан. Вот когда во время бунта на броненосце «Потемкин» погиб матрос Вакуленчук, градоначальник Одессы хоронить его запретил. Все священнослужители отказались совершать над убиенным матросом-бунтовщиком православное отпе-вание. Уже матросы броненосца направили жерла пушек на город ... Тогда я пришел к городскому главе и уговорил его разрешить похоро-нить матроса. Затем совершил отпевание над телом погибшего...

А вот тебя Гриша я спасти от суда божьего не смогу... Другие тебя отпевать будут не в церкви... И вижу я, что разорят могилу твою и прах твой выбросят собакам... Ох, спаси и сохрани.

- Ну, это мы еще посмотрим, кого собаки жрать будут! – жестко сказал Котовский. – А за предупреждение спасибо. И за то, что не про-гнал. И вот, что...

Григорий Иванович вынул из бокового кармана сложенный вдвое лист гербовой бумаги.

- Это распоряжение о том, что комплекс зданий монастыря твоего, старец, является ценностью исторической и архитектурной, а потому конфискации и закрытию не подлежит. Сам зам. ЦИКа Украины Фрунзе подписал. Живите, не бойтесь!

Котовский потоптался в келье, затем шагнул к выходу. То ли отто-го, что дверь была низка, то ли придавленный грузом пережитого, он низко поклонился старцу и решительно вышел вон...

Иона, оставшись один, обмяк, закрыл лицо руками и замер. Всю ночь старец провел в молитвах о спасении души раба божьего Григория...

«Кость комиссара»

Котовский яростно распахнул створы дверей корпусного клуба. Ворвавшись внутрь, Григорий Иванович ткнул пальцем в возившегося с установкой стенда вождей мировой революции плакатчика Федю:

- Где они?

- Там... В отделе агитмассовой работы, – доложил плакатчик.

- Товарищ комкор! - Федя оторвался от постылого стенда.

- Ну, что еще? – снова повернулся к нему Котовский.

- Там комиссар Волгин из ОГПУ товарища Свидерского шерстит, а ним еще трое, похоже, латыши, – сообщил подробности Федя.

- А, *мама дракулуй!* (чертова мама [молд.]) – закипел Котовский. – Латыши-мальчиши!

- Всем, кроме комиссара Волгина выйти вон! – скомандовал Григорий Иванович, влетев в кабинет бывшего одесского газетчика, начальника агитмассового отдела корпуса Жоржа Свидерского.

- В чем дело? Товарищ комкор! – надменно вскинул тонкие брови комиссар Волгин, восседавший в кресле за столом. Бледный Жорж был зажат в углу угрюмого вида латышами. Третий чекист рылся в бумагах открытого книжного шкафа.

- Я не буду повторять, – сообщил Котовский...

В коридоре забухали тяжелые сапоги бегущих к кабинету бойцов. В полуоткрытую дверь заглянул Штефан Няга, спрятав за спиной руку с наганом.

- Погоди! – скомандовал ему Котовский и, наклонив голову, пошел на комиссара.

- Сейчас вас всех отсюда вынесут...- Григорий Иванович поднял руку.

- Ну, хорошо! – злобно прокричал комиссар. – Марш в коридор! – скомандовал он латышам. Те так же угрюмо вывалились в дверь. За нею послышались возня и глухие удары. Снова заглянул Штефан Няга и со значением подмигнул комкору.

- Ты тоже выходи! – кивнул Котовский Жоржу. Тот мгновенно исчез за дверью.

- Ну, комиссар! – Котовский навис над столом, сжимая эфес тяжелой шашки.

Волгин вскочил и затрясся от ненависти.

- Что, сволочь бандитская, будешь меня пугать, как Якира? Не выйдет! Не выйдет! Мы всех вас таких скоро сами рубить начнем! И Якира тоже прихватим! Командиры красные, бандиты, сволочи! Правильно товарищ Троцкий говорил, не наши вы, попутчики, отродье уголовное!

Волгин брызгал слюной, стучал кулаками в стол.

- Угомонись, комиссар, – неожиданно спокойно сказал Котовский и четко одним махом вложил шашку в ножны. – А то дергаешься, как петух на параше!

- Ты мне эти уголовные заходы брось! – попустил пар комиссар. – Я же знаю, кто ты такой! У меня же на тебя три тома дела заведено. И контрабанда, и торговля валютой, и...

- Товарищ Волгин! – строго сказал Котовский и сел на стул. – С вами разговаривает член Союзного и Украинского ЦИКа, соблюдайте субординацию!

- Член ЦИКа! – прошипел Волгин. – Ладно! Товарищ комкор Котовский, я прибыл с проверкой агитационно-массовой работы в вашем хозяйстве.

И обнаружил вопиющие нарушения.

- Вот как? – с нескрываемой иронией усмехнулся Котовский.

- Именно! Именно! – подскочил Волгин. – Как вы объясните, что вместо положенных лекций по истории ВКПб – «Краткий курс» рекомендован повсеместно – в подразделениях корпуса проводится громкое чтение книг «Тарзан» и «Робинзон Крузо» и еще этот как его?

- Жюль Верн, «Дети капитана Гранта», – пояснил комкор.

- Да, да! Дети капитана Верна! – дернулся комиссар.

- А что вас не устраивает, товарищ комиссар? – деланно удивился Котовский. – Зачитывается литература исключительно протестного толка. Вот скажем, Тарзан – сирота, жертва колонизаторов, нашедший приют в джунглях борец с империалистами, плантаторами и прислужниками мирового капитала. А «Робинзона Крузо», товарищ комиссар, высоко ценил сам Фридрих Энгельс. Он говорил, что эта книга образец победы человеческого труда над неблагоприятными обстоятельствами. Вы что же против Энгельса? Нехорошо, товарищ комиссар! Нехорошо. Я буду вынужден сообщить о вашем пренебрежительном отношении к товарищу Энгельсу лично генеральному секретарю ЦК товарищу Сталину.

- Ну, ты, сволочь! – побледнел Волгин. – И-эх!

Он снова сжал кулаки и встал из-за стола, собираясь выйти вон.

- Слушай, Волгин! – Котовский схватил его за ворот кожаной куртки. – Я тебя, гада, пока трогать не буду. Но когда будешь в Одессе по Молдаванке ходить, озирайся. Неровен час, кирпич упадет, зашибёт головушку!

- Как бы тебе башку не зашибло! – огрызнулся комиссар.

- Пошел вон, петух! – Котовский, недолго думая, наподдал Волгину под зад сапожищем. С воплем «Вот же скотина!» комиссар вылетел в коридор прямо в руки Штефану Няге.

- Эй, там, – крикнул Котовский. – Проводить товарища комиссара и товарищей чекистов без рукоприкладства!

В открытую дверь заглянул Жорж Свицерский.

- Можно?

- Вот так-то, Жоржик! – махнул ему рукой комкор. – Этот комиссар тот еще сатрап! Помнишь начальника уголовной полиции Воропаева. Того, что вас с Майорчиком в девятьсот седьмом в притоне на Шестой станции брал?

Так этот В-волгин вылитый Воропаев, такой же припадочный!

- Да не так чтобы уж он нас и брал, – возразил Жорж. – Мы в стельку были. Бери, не хочу! Да и не сцапал бы нас Воропаев, если бы ему не донесли, где мы есть... А заложил нас Мишка Винницкий, Япончик косоглазый. Коварный был типчик Мишка-Япончик.

- Ох! Ох! – съязвил Котовский. – Уголовники, сутенёрики! Винницкий их заложил! А как сами-то Мишку быстро сдали в восемнадцатом! Или забыл уже? Вы ж с Майорчиком его под монастырь и подвели. Все крутились вокруг, поддакивали. А как приспичило....

- Ну ты, Григорий Иванович, – Жоржик насупился, – ты же знаешь, как дело было. Сам же говорил тогда: «Революционная необходимость».

- Не необходимость, Жоржик, тогда говорил я, – потянулся Котовский, – а целесообразность. Революционная целесообразность. Опять же, одним бандитом меньше. Он же, Винницкий, настоящий бандюган был, не то, что вы, шпана, интересующаяся девочками и марафетом. Вот смотри, Жорж, я трижды контуженный. А все помню! И вас с Майорчиком давно бы уже, как Винницкого, черти бы сожрали, когда б не я! Цени это, Жоржик, еще немного и совсем в люди выйдешь. Книгу сочинишь...

Котовский задумался.

- А название будет такое «Всевозможные злоключения и славная смерть бессарабского красного атамана Адского!» А, Жоржик! Как?!

- Да что ты Григорий Иванович, – встревожился Жорж, – о смерти говоришь!

- Тыфу, черт, – сплюнул с досадой Котовский. – Я сказал «смерть». Тыфу, черт. Хотел сказать жизнь. Прости, оговорился! Но ты давай начинай писать. Не откладывай. А комиссара этого не бойся. Я ему через товарища Сталина такой укорот сделаю, навек запомнит!

- Вы бы лучше ему укорот по-одесски устроили, – парировал Жорж.

- Ты это брось! – погрозил ему пальцем комкор. – Мы теперь люди при власти, нам эти методы не к лицу!

АРХИВ 7:

Внутренняя переписка корпуса:

«Командиру эскадрона связи Ильину ставлю на вид его индифферентное и несерьезное отношение к делу физической подготовки, следствием чего явилась отсталость в этом отношении эскадрона связи и бесцельная потеря времени... в кратчайший срок восполнить упущенное».

Котовский

«Боевой задачей каждого красного бойца должно быть желание получить через книгу тот запас знаний, который по возвращении его домой даст ему возможность поднять духовно и материально благосостояние его села».

Котовский

«Артдивизион – Поставлен спектакль-митинг тема: «Красное подполье» присутствовало 225 человек. Во время спектакля ранен лекпом, (лекарский помощник) стоявший за сценой, в то время, как со сцены надо было стрелять из револьвера.

Дивизион связи. Замечается антисемитизм, но с этим злом ведется агитационная работа».

Начальник агитационно-массового отдела

Ж. Свицерский

Протокол встречи на сахарном заводе (выписка)

«Товарищи. Тут есть несколько записок от плантаторов сахарного завода. Плантаторы, которым мы задолжали, должны знать о том, что когда корпус взял завод в аренду, он взял на себя задолженность в 67 000 пудов сахара. Все плантаторы знают, что Богомольный (бывший арендатор завода) не платил вам в 1921 -22 гг. Однако корпус все же затратил большие деньги для того, чтобы поставить на ноги завод, 36 000 червонцев. Я сам на съезде обещал, что мы дадим крестьянам сахар в первую очередь. Мы давно бы выполнили это обещание, но каждый знает, что для того, чтобы получить сахар, необходимо оплатить акциз. Крестьяне тут говорили, что с берковца (берковец – старинная мера сыпучих тел, равная 164 кг) получается 75 фунтов сахара. Вы забываете, что государство берет 50% акциза. Завод выпустил в этом году 128 000 пудов сахара. С этого количества мы уже сейчас должны заплатить 65 000 пудов одного акциза. Но не забывайте, что есть еще социальное страхование и, что завод несет огромные расходы. Административный аппарат завода у нас минимальный. Что касается моего обещания о выплате, то это обещание свято. Мы не могли выплатить лишь потому, что сахар не выпускали с завода, пока мы не оплатим акциз. Мы вложили все деньги корпуса, а сейчас нам необходимо выплатить еще вам 30 000 пудов. Мы два месяца ходатайствовали о том, чтобы нам дали сахар без немедленной выплаты акциза. Это ходатайство закончилось с успехом, и на днях мы начинаем выплату всем плантаторам до одного фунта. Я вам оглашу график выдачи по селам...

Котовский, 31 декабря 1923 г. Умань

РЕТРОСПЕКЦИЯ № 16:

« В плавнях»

Котовский стоял у кромки воды. К берегу наискосок течению подгребала вместительная лодка-баркас.

- Кто-то из классиков тоже путался с контрабандистами, – подумал Котовский. – Не Пушкин, точно... Лермонтов! – вспомнил он. – Лермонтов что-то об этом писал.

В камышах блуждал злой октябрьский ветер. По реке гнало серостальную рябь.

- Эге-ге! – послышалось с лодки. – Салутаре, домнуле! (Приветствую господин мой [молд.])

Котовский поднял в знак приветствия руку.

Стоявшие за его спиной Штефан Няга и Петр Макаренко метнулись к воде, принимая причальный канат, брошенный рослым детской в дождевике с носа баркаса.

- Эх, потянем! – выкрикнул Петр, вытягивая вместе с Штефаном баркас на отмель. Затянув узлом на стволе прибрежной корявой ивы причальный конец, ездовые резво подхватили переброшенные с баркаса ящики и потащили их к тачанкам.

Детина в дождевике прыгнул в бьющую о берег низкую волну. Подойдя к Котовскому, он похлопал его по плечу. Григорий Иванович пожал протянутую ручищу, и они отошли в сторону от баркаса, на котором разбойного вида ребята сушили весла.

- Что в ящиках? – спросил Котовский.

- Как и условились, – ответил глухим голосом детина. – Кайенский перец, Марсельский парфум и сто тысяч «гринов».

- Это хорошо, – улыбнулся Котовский и достал из кармана френча перстень редкой красоты.

Детина шумно выдохнул и принялся бережно заворачивать перстень в тряпицу.

- Прячь глубже, – посоветовал Котовский, – таких вещиц на всю Одессу даже в девятьсот четвертом было всего две. Одна у банкира Мулермана, другая у начальника таможни Думбадзе. И цена ей тогда была пять тысяч рублей золотом!

- Храни тебя Господь! – поклонился детина в пояс.

- Что велел передать на словах наш друг? – поинтересовался Котовский.

- Он сказал, что готовится общая с ГПУ подстава под Котовского, под тебя, Григорий Иванович. В Одессе этим занимается комиссар Волгин. И еще спрашивал, если через наше окно можно перебросить сюда пару-тройку беглецов из Румынии. Документы там и прочее. Все они наши ребята, но работали в Констанце в порту...

- Передай нашему другу, – Котовский за секунду задумался. – Передай, что окно надо закрыть. Пусть эти беглецы поторопятся. Максимум два – три дня. Затем все. ГПУ закроет этот участок границы. И вы тоже сюда не ходите. П-п-проведете беглецов к этому месту послезавтра. Ждать будет Штефан.

Котовский махнул рукой в сторону Штефана Няги, осматривавшего берег с карабином наготове.

- Беглецов же примет Майорчик, ты его тоже знаешь? Да ты его знаешь точно еще с девятьсот шестого года, с Одессы! Увидишь – вспомнишь! Потом – все! Куда и как будете приводить людей и товар, сам сообщу нашему другу. Ну, все, давай отчаливай!

Котовский кивнул детине и резко повернувшись, побежал к тачанке.

КАРТИНА ПОСЛЕДНЯЯ

«Финальный выстрел»

Августовская ночь оглушала духотой и звенящим хором миллионов цикад.

Григорий Иванович шел по тропинке, утонувшей в зарослях терновника. Тяжело ломило затылок и виски. Котовский недовольно морщился и думал о том, что встреча в подшефном корпусе хозяйстве вышла какая-то блеклая. Устал, что ли, рассказывать в сто первый раз – о лихом гайдучестве в бессарабских Кодрах, о побеге с каторги, о том, как бригада участвовала в боях на Одессчине, в Подолии, на Тамбовщине. О Тамбовщине особенно не любил рассказывать, хотя все было сделано блестяще.

«И внедрились в разбойное гнездо повстанцев. И поиграли в казакий отряд атамана Фролова. И постреляли, порубили всю Матюхинскую команду. Без малого, человек триста! Все зверюги упертые, в ином разе их еще сколько времени по лесам бы вылавливали? Но тогда это казалось делом боевым, азартным. А ныне, как подумаешь, чем эти разбойнички матюхинцы отличались от твоих бессарабских гайдуков? Тоже ведь за правду шли, чтобы без бедности жилось мужику, с властью бились. Эх-хе-хе! Был ты, Григорий Иванович, гайдук-разбойник, стал человек власти и, значит, иного хода у тебя не было, как других, против власти идущих, карать и усмирять. Надо будет в следующий раз Жоржика на встречу брать. У него разговор как по накатанной - все гладко, классово выверено, а самому поддакивать».

С моря ветер кинул рукав легкой прохлады. Голове стало легче и сердце вроде как поотпустило.

- Как это называется? – подумал Котовский, вспоминая диагноз московского профессора: невроз сердца и общее эмоциональное перетомление.

- К черту все это, к черту! – приободрил он себя, припоминая строфы из подобранной на петроградской улице книжицы - поэмы поэта Есенина «Пугачев». - Прочь жалость телячьих нег! Нынче в половине четвертого мы должны устроить набег! Хорошо сказано! Этот Есенин, по слухам, тот еще хулиган-разбойник! Пугачев тоже разбойничал, а потом... Потом казак на царство замахнулся! Силен «тулупчик заячий», хорошо начал, да плохо кончил Емеля...

За кустарником облитая лунным светом уходила воль берега моря к Одессе проселочная дорога.

- Где-то тут Майорчик с машиной должен быть, – машинально сообразил Котовский, как вдруг рядом кто-то негромко, но резко свистнул.

Браунинг из кармана брюк, уже взведенный с патроном в патроннике, сам прыгнул в левую руку.

- Что за черт? – изумился Григорий Иванович, на долю секунды опоздав нажать курок.

В свете луны метрах в трех по тропинке стоял напротив него он сам, только двадцатилетний. В кожаной жилетке, высоких гайдуцких сапогах. Как же стрелять в самого себя! Молодой же двойник, поджав узкие губы, тут же свистнул снова. Грянул выстрел. Двойник стрелял от бедра. Пуля ударила Котовского в самое сердце.

- Сам себя уложил! – изумился в последний миг Григорий Иванович, чтобы уже никогда ничему не изумляться и душа его, освободясь от измученного трудами и боями, грузного и ненужного уже тела, ликуя предстоящей свободе, без диктатур, расстрелов и сабельных атак, тонкой струей, взмыла вверх. Отчего-то многогрешной душе Котовского было очевидно, что впереди ждет ее блаженство и счастье нескончаемое...

Услышав выстрел, Майорчик пулей вынесся из машины и, стреляя из табельного нагана непонятно куда, выбежал на тропинку. Котовский лежал на спине, откинув руку с ненужным теперь браунингом. Рядом с телом убитого стоял бледный как приведение Ангел Кузенкорно.

- Ты! – в ужасе закричал Майорчик. – Ты что наделал! Ты убил его!

- Да! – глухо подтвердил Ангел. - Я убил, я отомстил за отца.

- О горе мне! Горе нам! – завопил во всю глотку Майорчик. – Я же чувствовал, что неспроста, неспроста тебя сюда перекинули... Лучше бы ты сгнил там в тюрьме, в Констанце!

Ангел и сам чувствовал что-то неладное. Ему приходилось убивать людей с пятнадцати лет. Его рука не знала промаха, а совесть не ведала угрызений и мук раскаяния. Сейчас же, стоя над трупом человека, которого считал виновником всех бед семьи Кузенкорно, он чувствовал, что ему отчего-то неудержимо хочется выть, рыдать и рвать на себе волосы, как это делает Майорчик.

- Ты, ты несчастный, – сгреб Ангела в охапку Майорчик. – Ты же отца своего убил! Он был твой отец! Он – Котовский!!!

Оттолкнув от себя отцеубийцу и словно, отгоняя руками невидимых мух, Майорчик велел Ангелу:

- Беги, беги отсюда, парень! Может, ты еще спасешь себя. Беги несчастный... Беги! – прокричал почти как заклинание, указывая рукой Ангелу.

- Отец? Он был мой отец? Котовский! О-о-о!!! – Ангел обхватил свою голову руками и неуклюже повернувшись, побежал куда-то через кусты, на ходу бормоча ругательства и проклятия.

- Я тебя убил, Гриша! – рвал волосы над телом погибшего Майорчик, – мне и отвечать!

АРХИВ 8

«Я знал т. Котовского, как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Будённый прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вёл свою кавбригаду на отчаянно-смелые налёты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел «крошить» их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых - таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава».

И. Сталин

«Коммунист» (Харьков)

№ 43 (1828), 23 февраля 1926 г.

ЭПИЛОГ

Пылали знамена, сияли трубы оркестров, толпы народа текли по Приморскому бульвару. Одесса провожала в последний путь Котовского.

Стояли в конном строю окаменевшие от горя бойцы....

Прибывшее из Москвы начальство в лице Буденного и Ворошилова произносило речи. Комиссар Волгин в общей областной колонне совпартработников шел за орудийным лафетом. Лицо его выражало неподдельную скорбь. Группа профессоров, доставленных на аэроплане из столицы, под руководством знаменитого профессора Воробьева в одну ночь забальзамировала тело героя и орденосца. По типу ленинского, уже проектировался меньших, безусловно, размеров, мавзолее... Сочинители и пропагандисты бодро строчили партийные, идеологически-выверенные трактаты «О героической, полной борьбы, беззаветной, целиком посвященной трудовому народу жизни красного героя-гайдука Григория Котовского». Был даже снят художественный фильм; впрочем, из всей серии фильмов о красных героях войны гражданской самым успешным и легендарным стала лишь картина братьев Васильевых о Чапаеве... Мифы, легенды и слухи... Имя Котовского будоражило пытливые умы. Сам признанный советской властью «поэт-горлопан-главарь» Маяковский призывал молодежь «делать жизнь с Котовского!» Да! Неожиданная для простого люда смерть Григория Ивановича собрала для власти советской неплохие агитпроповские дивиденды...

Спустя шестнадцать лет сбылось и мрачное пророчество святого старца. Передовые части румынского маршала Антонеску, вошедшие вслед за ударной группой Южного крыла германского Вермахта в Бирзулу, ранее переименованную в Котовск, разорили помпезное захоронение Григория Котовского. Разбили мавзолее. А тело его выбросили в общую с расстрелянными евреями и замученными пленными большевиками могилу...

Потом вернулись красные и опять торжественно перезахоронили прах Котовского, спрятанный и сохраненный местными жителями. Некрополь Григория Ивановича, несколько более скромный, чем тот, что был разрушен легионерами, восстановили.

Надо ли говорить, что во второй половине XX века посмертная мифологизированная история жизни Григория Котовского продолжи-

лась и преумножилась подробностями, необходимыми народу советскому в период торжества развитого социализма....

Сочинялись книги, представлялись изобилующие сценами сражений киноленты, в которых Григорий Иванович изображался как верный ленинец, большевик чуть не с пеленок...

Настоящей же большой удачей этих лет стало создание конной статуи Котовского скульптором Лазарем Дубиновским, установленной на одной из площадей Кишинева.

Хотя в конце этого века имя и противоречивую историю жизни и смерти Котовского снова пытались похоронить...

Пытались...

Но снова не получилось...

Михаил Лупашко
Кишинев
2012 год.

Примечания:

Бессарабец – житель, уроженец Бессарабии.

Сам Котовский в некоторых своих биографических документах в графе «национальность» указывал «Бессарабец».

Бессара́бия

(Basarabia, Бессара́бия и реже Басара́бия) — историческая область между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии. Название (Țara lui Basarab — «Земля Басараба») происходит от имени валашского воеводы Басараба I Великого (1289—1352). По данным Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, в XVI—XVII веках Бессарабией называли часть нынешней Румынии— Валахию с Бабадагской областью по Дунаю, затем южную часть междуречья Прута и Днестра — Буджак, а после 1812 года — всё междуречье.

В начале XX века Бессарабская губерния Российской империи.

С 1918 по 1940 год находилась в составе Королевства Румыния.

Левобережье Днестра

Формально территория Республики Молдова, фактически (самопровозглашенная) Приднестровская Молдавская Республика. Обе части бывшей МССР берут свои названия от средневекового молдавского княжества, территория которого сегодня разделена между Молдовой, Румынией и частично

Украиной. Современная Республика Молдова - субъект международного права, занимает среднюю часть восточного региона исторической Молдавии.

Исторические судьбы этих территорий были весьма непросты и причудливы.

В 538 году Молдавское княжество вошло в состав Османской империи. В 1774 году по Кючук-Кайнарджийскому миру (мирный договор между Россией и Османской империей, завершивший первую турецкую войну императрицы Екатерины II), Молдавия попала под протекторат России, а в 1806 году вошла в состав Российской империи. По Бухарестскому мирному договору 1812 года, завершившему русско-турецкую войну, к России была также присоединена Бессарабия — это название к тому времени распространялось на южную часть междуречья Прута и Днестра. Согласно Адрианопольскому мирному договору 1829-го года между Россией и Турцией, к России была присоединена также и дельта Дуная, и, таким образом, все части территории современной Молдовы оказалась в составе Российской Империи.

Левобережье Днестра (современное Приднестровье) все это время было отделено от Бессарабии своеобразной исторической жизнью. В 60-е годы XIV века большая часть левобережья Днестра была включена в состав Великого княжества Литовского, оно было частью исторического региона Подолия, а в 1569 году, после объединения Польши и Литвы — вошло в состав объединенного польско-литовского государства Речь Посполита. Эту территорию Приднестровья в основном населяли поляки, украинцы, евреи, армяне, молдаване и немецкие колонисты. Сама же река Днестр служила границей с Молдавией, входившей в состав Османской Империи.

В процессе разделов Польши территория современного Приднестровья была присоединена к Российской Империи, на Левобережье были отстроены базы и инфраструктура Российских армий юго-восточного оперативного направления.

После революции 1917 года, территория между Прутом и Днестром с 1918 года находилась в составе Королевства Румыния. Левобережье Днестра находилось под юрисдикцией Советской Украины. Сталинское руководство, тем не менее, строило планы возвращения Бессарабии в состав Союза, поскольку, таким образом, предполагалось распространить большевистское влияние и на Румынию. Поэтому в 1924 году левобережное Приднестровье получает государственность в качестве Молдавской АССР в составе Украинской ССР.

МАССР была образована на территории Балтского и Одесского округов. Административным центром республики до 1929 была Балта, а в 1929—1940 — Тирасполь. Создание республики преследовало также цель распространить влияние СССР через Румынию на Болгарию и Югославию.

Во время Второй Мировой войны территория левобережья Днестра управлялась оккупационными властями Румынии.

После 1944 года, левобережье Днестра снова в составе СССР. С 1945 года в составе МССР.

Противоречия, унаследованные в ходе исторических событий и не изжитые временем нахождения в составе МССР между двумя берегами Днестра, усиленные провокациями специальных служб и агентуры бывшего КГБ вылились, после распада СССР в 1990 году, в вооруженный конфликт 1992 года.

Последствия конфликта преодолеваются с большим трудом. Фактически обе стороны Днестра в течение двух десятилетий живут самостоятельной политической жизнью.

Очевидна и разность ментальностей жителей двух берегов Днестра. Большинство жителей Левобережья Днестра, относят себя к «Новоросской» и советской ментальности.

Мажоритарный этнос Республики Молдова - большинства жителей правого берега Днестра- **«Бессарабии»**, являющихся на основе литературной языковой идентичности молдавской частью сформировавшейся румынской нации, при том, что большинство населения между Прутом и Днестром, ментально определяет себя молдаванами – наследниками традиций и государственности средневекового княжества Молдова.

Тачанка – рессорная конная повозка с открытым легким кузовом для парной упряжки лошадей. Пулеметные тачанки с усиленной упряжкой тройкой, четверкой лошадей использовались в качестве подвижной боевой площадки под ручной или станковый пулемет. Боевой расчет пулеметной тачанки состоял из трех человек – наводчика с помощником и ездового. Впервые как боевое средство пулеметная тачанка была применена в период Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Особенно широкое распространение получила в Повстанческой армии Нестора Махно и конных соединениях РККК. Массированное применение пулеметных тачанок являлось нередко решающим средством маневра огнем и колесами для разгрома противника.

Пулемет системы «Гочкис» - Разработан как идея Гочкис Бенджамином Беркли (1826- 1885) американским конструктором в области артиллерии и стрелкового оружия. Пулемет Гочкиса был принят на вооружение французской армии в 1899 году. В дальнейшем он модернизирован на заводе в Сент-Этьенне в 1907 году. Такие пулеметы были на вооружении в Бельгии, Югославии, Греции, Турции, Мексике и Японии. В отличие от многих тогдашних пулеметов, «Гочкисы» охлаждались воздухом. На стволе пулемета имелось много крупных сглаженных ребер, увеличивавших поверхность ствола и ускорявших охлаждение. Патроны применялись калибра 8 мм. Они помещались в жестких патронных обоймах по 24 штуки, переносимых в деревянной коробке, или в патронной ленте на 250 штук. Скорострельность составляла

400 выстрелов минуту. В 1909 создан ручной пулемет Гочкис, с прикладом и сошками. Эта модель упоминается в тексте.

ЦИК

Центральный исполнительный комитет - орган власти в некоторых государствах, политических партиях и организациях.

ВЧК

ВЧК СНК РСФСР — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Комиссаров РСФСР (1917 -1922).

Образована 7 (20) декабря 1917 года. Ликвидирована с передачей полномочий Государственному политическому управлению (ГПУ НКВД РСФСР) при НКВД РСФСР 6 февраля 1922 года. Образование ВЧК было логичным развитием политики диктатуры

Пролетариата. ВЧК являлась карательным органом по защите государственной безопасности РСФСР, «руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны». ВЧК имела территориальные подразделения для «борьбы с контрреволюцией на местах».

В. И. Ленин назвал Всероссийскую чрезвычайную комиссию «разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть». Именно от сокращения ЧК произошло слово «чекист».

С 22.12.1917 по март 1918 года ВЧК располагалась в Петрограде на Гороховой ул., д.2.

Управленческий аппарат ВЧК возглавляла коллегия, руководящим органом был Президиум ВЧК во главе с Председателем Президиума ВЧК, который имел двоих заместителей. Документооборот обеспечивали два личных секретаря.

В декабре 1917 года аппарат ВЧК насчитывал 40 человек, в марте 1918 года — 120 сотрудников. В дальнейшем аппарат ведомства непрерывно увеличивался.

В марте 1918 года центральный аппарат ВЧК был вместе с советским правительством переведён в Москву. С 1919 года занимал здание страхового общества «Россия» (здание органов госбезопасности на Лубянке).

ОГПУ

ОГПУ - Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Образовано 15 ноября 1923 года. ОГПУ специализировалось на борьбе с контрреволюцией, шпионажем, обеспечению государственной безопасности и борьбе с чуждыми советской власти элементами.

Председателем ГПУ и позже ОГПУ до 20 июля 1926 года являлся Ф. Э. Дзержинский, затем до 1934 года ОГПУ возглавлял В. Р. Менжинский. В целом, ведомство продолжило деятельность, начатую органами ВЧК.

Генерал Брусилов

Алексей Алексеевич Брусилов (1853-1926) родился в семье генерала. Окончил Пажеский корпус. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В

1906 - 1912 гг. командовал различными воинскими соединениями. С начала первой мировой войны назначен командующим 8-й армией, с марта 1916 г. - главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Выдвинулся в число лучших полководцев первой мировой войны, приобрел особую известность за разработку и проведение наступления русской армии летом 1916 г. После Февральской революции - сторонник продолжения войны до победного конца. В мае 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим русской армией. После смещения с этого поста в июле 1917 г. остался в распоряжении Временного правительства. В 1920 г. вступил в ряды Красной Армии.

Брусиловский прорыв:

22 мая 1916 года после массированного артиллерийского удара русские войска двинулись в наступление и в ряде мест сразу прорвали австрийские позиции. 25 мая русские войска заняли Луцк, 5 июня овладели Черновцами. Фронт был прорван на протяжении 340 км, глубина прорыва доходила до 120 км. В этих боях австрийцы понесли тяжелые потери - около 1,5 млн. убитыми, ранеными и пленными.

Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань военной и политической катастрофы. Однако успех Юго-Западного фронта не дал решающих стратегических результатов, так как не был поддержан наступательными операциями других фронтов.

Генерал Дроздовский

Дроздовский, Михаил Гордеевич – генерал-майор, выдающийся военачальник, образец русского офицера, верного долгу и присяге. Родился 7 октября 1881 года в Киеве в семье потомственных дворян. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

Дроздовский был первым в истории Белого движения генералом, открыто заявившим о своей верности монархии. В первую Мировую войну помощник начальника общего отделения штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом. С января 1917 года исполнял обязанности начальника штаба 15-й пехотной дивизии на Румынском фронте.

В конце ноября — начале декабря 1917 года занялся формированием добровольческих антисоветских формирований. В 1918 году полковник Дроздовский принял самостоятельное решение вести добровольцев на Дон. Этот отряд в марте-мае 1918 совершил 1200-вёрстный поход из Ясс до Новочеркасска. Дроздовский поддерживал в отряде жёсткую дисциплину, пресекал реквизиции и насилие, уничтожал встречавшиеся на пути отряды большевиков и дезертиров. 4 мая отряд занял город Ростов-на-Дону после упорного боя с силами Красной армии. В июле-августе 1918-го Дроздовский участвовал в боях за Екатеринодар. В этот период между Дроздовским и штабом Добровольческой армии Белых сил возникли разногласия по вопросам тактики

борьбы с большевиками. В ноябре 1918 года Дроздовский во время упорных боёв был ранен в ступню ноги и отправлен в госпиталь в Екатеринодар. Там его рана загноилась, началась гангрена. Позже, уже в клинике в Ростове-на-Дону, генерал скончался. Есть мнение, что Дроздовский был умышленно доведён до смерти начальником штаба армии генералом И. П. Романовским, который, по всей видимости, опасался усиления влияния Дроздовского на всю армию. Точное место захоронения Дроздовского неизвестно.

Добровольческая армия - оперативно-стратегическое объединение белогвардейских войск Юга России с 1917 по 1920 год в период Гражданской войны.

Начала формироваться 2 ноября 1917 года в Новочеркасске, Генерального штаба генералом от инфантерии М. В. Алексеевым под названием «Алексеевская организация». С начала декабря к созданию армии подключился прибывший на Дон Генерального штаба генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов.

К концу декабря 1917 года в армию записалось добровольцами 3 тыс. человек. 25 декабря 1917 года получила официальное наименование «Добровольческая армия». Руководство армии изначально ориентировалось на союзников России по Антанте, которая оказывала движению значительную материальную помощь. Сразу же после создания Добровольческая армия, насчитывавшая около 4 тыс. человек, вступила в боевые действия против Красной армии. К сентябрю 1918 года численность Добровольческой армии возросла до 30-35 тыс. человек, в основном за счёт притока в армию кубанского казачества и бежавших на Северный Кавказ противников большевизма. 8 января 1919 года Добровольческая армия вошла в состав Вооружённых сил Юга России (ВСЮР), став их основной ударной силой, а её командующий генерал Деникин возглавил ВСЮР.

В конце 1918 - начале 1919 г. части Деникина нанесли поражение 11-й советской армии и заняли Северный Кавказ. Летом-осенью 1919 г. Добровольческая армия (40 тыс. чел.) под командованием генерала В. З. Май-Маевского стала главной силой в походе Деникина на Москву. После неудачного наступления на Москву летом-осенью 1919-го и под давлением Красной армии Добровольческая армия отступила на Кубань, где в начале 1920 года была сведена в Отдельный Добровольческий корпус. 26-27 марта 1920 года остатки Добровольческой армии были эвакуированы из Новороссийска в Крым, где вошли в состав Русской Армии генерала П. Н. Врангеля.

Булак-Балахович, Станислав Никодимович

Станислав Никодимович Булак-Балахович (укр. - Станіслав Булак-Балаховіч, польск. - Stanisław Bułak-Bałachowicz), родился 22 февраля 1883г., удачливый авантюрист, военный и политический деятель эпохи Гражданской войны в России, генерал российской Белой армии и Войска Польского.

В ноябре 1914 года по мобилизации поступил на службу во 2-й лейб-

уланский полк, где показал себя самым лучшим образом. В июне 1917 года, в условиях революционного разложения, солдатским комитетом Булак-Балахович был избран командиром полка. Позже вступил в Красную армию. По приказу Троцкого, полк Балаховича участвовал в подавлении крестьянских восстаний, проявляя исключительную жестокость. В начале ноября 1918 года Балахович принял решение перейти к белым. После службы у белых Булак-Балахович приступил к формированию своей добровольческой армии. В июне 1920 года Булак-Балахович вступил в бои с большевиками. В 1920 году Советская Россия заключила мирные договоры с Польшей и государствами Прибалтики. Борис Савинков помог Балаховичу сформировать из числа белогвардейцев, находившихся в этих государствах, несколько крупных и хорошо вооруженных отрядов. Посоветовавшись с Савинковым, Балахович ударил по Белоруссии, занятой большевиками.

В ноябре 1920 года частям Красной Армии удалось нанести серьёзное поражение войскам Балаховича. С огромным трудом он сумел пробиться к польской границе. В Польше его войска были интернированы и разоружены. Позже Балахович получил от Пилсудского звание генерала польской армии и лесную концессию в Беловежской Пуще. В 1926 году он принял самое активное участие в Майском перевороте Юзефа Пилсудского. Выпустил две книги о возможности войны с Германией, в которых предупреждал о нависшей над Польшей смертельной угрозе со стороны Германии.

Был убит в Варшаве 10 мая 1940 года агентами гестапо.

Генерал Май-Маевский

Май-Маёвский, Влади́мир Зено́нович - выдающийся военачальник Русской армии и Белого движения, Генерального штаба генерал-лейтенант. Родился 15 (27) сентября 1867 года в семье мелких шляхтичей Могилёвской губернии. Окончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн (начальник штаба пехотной дивизии, корпуса, начальник пехотной дивизии, командир 1-го гвардейского корпуса). Весной 1918 года бежал на Дон и вступил рядовым солдатом в «Дроздовскую» дивизию Добровольческой Армии. С 15 февраля по 1 июня 1919 г. - командир 2-го армейского корпуса Вооружённых сил Юга России. С 22 мая по 27 ноября 1919 г. - командующий Добровольческой армией. Провёл ряд блестящих операций в Донецком каменноугольном районе против превосходящих сил Красной армии. Руководил Добровольческой армией во время её наступления летом и осенью 1919 года на Москву. Довел армию до Киева, Орла и Воронежа. Под предлогом пьянства и уклонения от дел отправлен в отставку,

Врангель в 1920 году вернул Май-Маевского в армию. Во время обороны Крыма он руководил тыловыми частями и гарнизонами Русской армии. Генерал Май-Маевский застрелился во время эвакуации Белой армии из Севастополя 13 ноября 1920 года.

Лев Троцкий

Троцкий (Бронштейн), Лев Давидович - профессиональный революционер, теоретик марксизма, основатель политического течения крайнего левого толка «троцкизм». «Демон Русской революции 1917 года».

Революционные псевдонимы: Перó, Антид Ото, Л. Седóв, Старик.

Родился 26 октября (7 ноября) 1879 в семье богатого Херсонского плантатора. Дважды ссыльный при царском режиме, был лишён всех гражданских прав царским правительством. Пользовался большим авторитетом среди некоторых европейских социал-демократов. Выдающийся публицист, пропагандист и организатор агитационно-массовой работы. Один из организаторов Октябрьского переворота (революции в Петрограде) в октябре 1917 года. Руководитель РККА, один из создателей регулярной Красной армии. Вдохновитель создания Коминтерна.

Во внутрипартийной борьбе после смерти Ленина, как лидер левой оппозиции, потерпел поражение. Личный враг Сталина. В 1927 году был снят со всех постов и отправлен в ссылку. С 1929 года в эмиграции. После высылки из СССР - создатель и главный теоретик «Четвёртого Интернационала». Автор ряда интересных работ по истории революционного движения в России, создатель капитальных исторических трудов о революции 1917 года. Дважды был женат, без расторжения первого брака. Погиб в результате покушения, организованного советской агентурой в Мексике по заказу Сталина. 20 августа 1940 года агент советской разведки Рамон Меркадер вонзил в затылок Троцкому альпинистский ледоруб.

Нестор Махно

Махно́, Не́стор Ива́нович – крестьянский вождь, защитник трудового крестьянства, теоретик стихийного анархизма, публицист, поэт.

Родился 7 ноября 1888 года, в селе Гуляйполе, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, умер от ран и тоски в Париже 6 июля 1934 года, похоронен у «Стены коммунаров» на Парижском кладбище Пер-Лашез (Père Lachaise, буквально «отец Лашез»). В юном возрасте стал участником группы экспроприаторов-террористов. Был приговорен к смертной казни через повешение. Высочайшим указом по молодости лет помилован, с заменой казни на бессрочную каторгу.

С 1918 года по 1921 год - организатор и командующий Крестьянской Повстанческой армии Украины, действовавшей на южном театре Гражданской войны. Известен как «батка Махно» (официально подписывал так некоторые приказы). Автор мемуаров «Воспоминания» и книги «Азбука анархиста». По некоторым данным, тактика партизанской войны Нестора Махно легла в основу тактики партизанских действий югославских партизан под руководством Иосифа Броз Тито и вьетнамских партизан под руководством Хо Ши Мина.

Александр Пархоменко

Пархоменко, Александр Яковлевич - участник революционного движения, командир красной конницы. Родился в 1886 году, в селе Макаров Яр, ныне село Пархоменко Краснодонского района Луганской области Украины. Погиб в бою 3 января 1921 года, место гибели село Бузовцы ныне Жашковского района Черкасской области Украины.

С 1900 года работал на заводах Луганска, активный участник революционного движения, неоднократно арестовывался. Участник первой русской революции 1905-1907 гг. В 1917 году участвовал в установлении советской власти в Донбассе. В июне 1917 года назначен начальником штаба Красной гвардии Луганска, в 1918 г. - особо уполномоченный 5-ой Красной Армии, член РВС 10-ой армии. В 1919 - начальник гарнизона Харькова, военком Харьковской губернии, затем служил в 1-ой Конной Армии.

В 1920 году был комендантом Ростова, участник советско-польской войны, командир 14-ой кавалерийской дивизии. 3 января 1921 года махновцы неожиданно напали на штаб дивизии и уничтожили весь его состав вместе с комдивом.

Дмитрий Жлоба

Жлоба, Дмитрий Петрович - советский военачальник, участник Гражданской войны.

Родился в 1887 году. В 1905-1907 гг. состоял в рабочей дружине города Николаева.

Самоучкой освоил навыки обращения с шахтным оборудованием и работал машинистом на шахтах Донбасса. Член РСДРП(б) с 1917г. В 1917 году окончил Московскую авиашколу по специальности военного моториста. После Февральской революции был избран членом Московского совета от школы авиаторов. Командовал красногвардейским отрядом во время Октябрьского вооружённого восстания в Москве. В конце 1917 года направлен военным комиссаром в Донбасс. Весной и летом 1918 года - один из командиров армии Северокавказской советской республики. Командовал полком, бригадой и «Стальной» дивизией в боях против белогвардейцев на Кубани и Северном Кавказе. С февраля 1920 года командир конной группы, действовавшей против войск Врангеля. Награжден двумя орденами Красного Знамени и золотым революционным оружием.

Демобилизован в 1923 году, находился на хозяйственной работе. Арестован НКВД в апреле 1937-го как «главный организатор и командир повстанцев на Кубани». 10 июня 1938 года в Краснодаре на закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорён к высшей мере наказания - расстрелу. В тот же день Жлоба был расстрелян. Реабилитирован 30 мая 1956 года в связи с отсутствием состава преступления.

Кавалерийский карабин, карабин - облегчённая винтовка с укороченным стволом. Название - производное слово или от арабского «караб» (оружие), или от турецкого «карабули» (стрелок), или же от французского «carabiner». Производя слово «карабин» от французского «carabiner», изобретателем карабина считают оружейного мастера Гаспара Цольнера в 1498г., так как в этом году нарезные стволы впервые употреблены при стрельбе в Лейпциге. Изначально под карабином понимали просто любое короткое ружьё для конницы. Для удобства действия верхом такое оружие делали существенно короче, чем пехотное - некоторое снижение меткости стрельбы при этом оказывалось не существенным, так как метко стрелять с движущегося коня всё равно практически невозможно. Во второй половине XIX века разработка нового оружия обходилась намного дороже, чем раньше, поэтому в целях экономии и унификации кавалерийские карабины стали выполнять на основе уже существующих образцов винтовок. Карабинами помимо кавалерии порой вооружали офицеров, сапёров, инженерные войска и прочих военнослужащих.

Пилсудский

Маршал Пилсудский (польск. Józef Klemens Piłsudski, Юзеф Клёменс Гинятович, Косьчеша Пилсудский, революционная кличка «Дзюк»; Прозвища - Komendant (Комендант), Marszałek (Маршал), Dziadek (Дедушка), - государственный и политический деятель, первый глава возрождённого польского государства, основатель польской армии; Маршал Польши. Родился 5 декабря 1867 года в Зулове под Вильной. Выходец из известного польско-литовского дворянского рода. В 1882 году Юзеф Пилсудский вместе с братом Брониславом Пилсудским организовал польский патриотический кружок самообразования Spółnia. В марте 1887 года за причастность к заговору, направленному на убийство царя Александра III, был арестован и приговорён к 5 годам ссылки в Сибирь.

В 1892 году, по возвращении из ссылки, Пилсудский вступил в создававшуюся Польскую социалистическую партию. Когда началась русско-японская война (1904—1905), Пилсудский отправился в Японию, пытаясь найти поддержку для подготовки восстания в Польше. Японцы были заинтересованы в секретной информации и, после вербовки, выделили на разведывательную деятельность Пилсудскому 20 тысяч фунтов стерлингов.

По возвращении в Польшу в 1904 году, Пилсудский организовывал партийные боевые группы, активно действовавшие во время революции 1905 года. Деятельность боевых группировок финансировалась за счёт средств, полученных при экспроприациях - ограблениях банков и почтовых поездов.

Незадолго до начала первой мировой войны он организовал в Струже офицерские курсы Стрелецкого союза. При покровительстве австрийских властей из военизированных и военно-спортивных организаций «Штшелец»,

«Сокол» и других сформировал Польские легионы. Под командованием Пилсудского эти части сражались на восточном фронте против России на стороне Австро-Венгрии и Германии. В октябре 1914 года по инициативе Пилсудского возникла Польская войсковая организация. 11 ноября 1918 года, после триумфального возвращения Пилсудского в Варшаву, Регентский совет назначил его временным Начальником государства. При выдвижении Красной Армии на территории, оставляемые эвакуировавшимися немецкими частями, в феврале 1919 года, со столкновений в Белоруссии началась советско-польская война. 19 апреля 1919 года польские войска заняли Вильну и весь Виленский край. В августе 1919 года взяли Минск. Весной 1920 Пилсудский начал наступление на Киев.

Летом того же года началось контрнаступление Красной Армии. Поляки были вынуждены оставить Киев. Советское контрнаступление осуществлялось двумя фронтами: Южная армия двигалась на Львов; Северная, под командованием Тухачевского, продвигалась по Белоруссии и Литве (11 июля Красная Армия взяла Минск, 19 июля — Гродно, 20 июля — Вильно, 1 августа — Брест). Однако главной целью наступления под командованием Тухачевского была Варшава.

Ввиду военной угрозы, Учредительный сейм сформировал Совет обороны государства, которым руководил Пилсудский. Благодаря большому опыту сотрудничества Пилсудского во время Первой мировой войны с разведывательными органами Японии, Австрии и Германии, и с их помощью, в Польше была создана мощная разведывательная и контрразведывательная служба.

Решающая роль в поражении РККА принадлежит подразделению польских шифровальщиков, которые в августе—сентябре 1919 года взломали шифры, как Добровольческой армии, так и РККА. Были взломаны практически все шифры белых и красных, что дало ясную картину всего происходящего на территории России от Петрограда до Черного моря. На их основе командование Войска Польского смогло принять правильные стратегические решения в ходе Варшавского сражения, так как знало оперативную информацию о перемещении каждого подразделения РККА.

Сформированная из закалённых в боях частей, ударная группировка в 120 тысяч бойцов под командованием Пилсудского 3-25 августа 1920 года в ходе битвы за Варшаву внезапным ударом прорвала фронт и зашла в тылы армии Тухачевского. Красная армия, потерпев тяжелое поражение, вынуждена была начать отступление.

Пилсудский, помимо должности военного министра, в 1930 годах занимал также пост премьер-министра. Маршал Пилсудский установил в стране авторитарный режим, опиравшийся на армию и названный «санация» (sanacja, «оздоровление») — имелось в виду восстановление морального здо-

ровья общества. В апреле 1935 года была принята новая Конституция, санкционирующая авторитарный президентский строй. Умер Пилсудский от рака печени в Варшаве 12 мая 1935 года. Похороны превратились в манифестацию национального единства. В связи со смертью Маршала был объявлен национальный траур.

Степан Каретник

Каретников (Каретник), Семён Никитич или Степан Каретник (погиб 26 ноября 1920), один из руководителей повстанческой армии Батьки Махно.

Родился в селе Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Еще в молодости увлёкся идеями анархического коммунизма, в 1918 году присоединился к отряду Махно. С 1920 года - заместитель «батьки», который ценил Семёна за военный талант. Командовал отрядом, направленным на борьбу с Врангелем. Отряд Каретника форсировал Сиваш и участвовал в боях с конницей генерала Барбовича под Юшунью и Карповой Балкой. После завершения боёв в Крыму отряд Каретника был окружен частями Красной армии и предательски уничтожен.

Генерал Барбович

Барбóвич, Ива́н Гаври́лович - выдающийся кавалерийский военачальник, генерал-лейтенант, один из руководителей контрреволюционного Белого движения в России.

Родился 27 января 1874 года, умер 21 марта 1947 года. Один из самых знаменитых белых кавалерийских начальников на Юге России.

Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, Ораниенбаумскую офицерскую стрелковую школу и Офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге.

Гусарский офицер.

Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Во время первой мировой войны за доблесть был награжден Георгиевским оружием «За храбрость». В феврале 1918 года был демобилизован, жил в Харькове, отказываясь служить в украинской армии. Организовал конный отряд из своих бывших однополчан (66 гусар и 9 офицеров), присоединился к войскам армии Деникина. В апреле-мае 1919 года - командир отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, командир 2-й кавалерийской дивизии. С 10 декабря 1919 года - генерал-майор. 18 декабря 1919 года, во время отступления Белой армии, во главе сводной дивизии сражался с Первой конной армией под Батайском, Ольгинской и Егорлыцкой. В марте 1920 прикрывал отход Вооружённых сил Юга России к Новороссийску.

С апреля 1920 года - командир 1-й Сводной кавалерийской дивизии в Русской армии генерала П. Н. Врангеля, участвовал в боях в Таврии. 19 июля 1920 года был произведён в генерал-лейтенанты. В сентябре-ноябре 1920 года

- командир конного корпуса. 11 ноября 1920 года в районе Юшуни и Карповой Балки корпус Барбовича понес тяжелые потери в боях с отрядами махновцев под командованием Семена Каретника. Поражение корпуса положило конец усилиям по обороне Крыма.

В эмиграции с сентября 1921 года жил в Белграде, где служил военнотехническим чиновником в Военном министерстве Королевства сербов, хорватов и словенцев, оставаясь начальником кадров 1-й кавалерийской дивизии. В отличие от генералов Краснова и Шкуро отказался сотрудничать с Гитлеровцами во время второй мировой войны. После войны жил под Мюнхеном.

Ян Берзин

Берзин (Берзиньш), Ян Карлович (Jānis Bērziņš; настоящие имя — Пётрис Янович Кюзис, партийная кличка — «Старик»). Родился 13 ноября 1889 года в Курляндской губернии (ныне Латвия) в семье батрака. Советский военный и политический деятель, один из создателей и руководитель советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга (1937). В 1905 году вступил в РСДРП. Активный участник революции 1905-1907 гг.. В 1907 году за убийство полицейского приговорён к 8 годам каторги, Во время первой мировой войны призван в армию, откуда дезертировал. Активно участвовал в Февральской революции. Во время Октябрьского вооружённого восстания 1917 года - член партийного комитета в Выборгском районе и член Петроградского комитета. С декабря 1917 года работал в аппарате НКВД РСФСР. В декабре 1920 года начал службу в Разведуправлении РККА. В марте 1924-апреле 1935 года - начальник всей системы военной разведки СССР. В 1936-1937 годах - главный военный советник в армии республиканской Испании. Арестован 27 ноября 1937 года по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 года на полигоне «Коммунарка» по приговору Военной коллегии Верховного суда. Реабилитирован посмертно 28 июля 1956 года.

Генрих Ягода

Ягода, Генрих Григорьевич - одиозный деятель советской карательно-бюрократической системы, один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД), нарком внутренних дел СССР (1934—1936).

В 1918 году служил в Петроградской ЧК. С 1920 г. - член Президиума ВЧК, затем член коллегии ГПУ. С сентября 1923 года - второй заместитель председателя ОГПУ.

«Очень точен, чрезмерно почителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулёзом), с подстриженными усами, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества» - писал о Ягоде Троцкий.

Во внутрипартийной борьбе был на стороне Троцкого, но затем поддержал И. В. Сталина. Руководил разгромом демонстраций в поддержку Троцкого в октябре 1927 года.

С начала 1930-х годов - заместитель председателя ОГПУ. Ягода фактически возглавлял это учреждение из-за болезни В. Р. Менжинского. 4 августа 1933 года Ягода был награжден орденом Ленина (за строительство Беломор-канала). 5 апреля 1937 года был арестован с формулировкой: «ввиду обнаружения антигосударственных и уголовных преступлений».

Первоначально Ягоду обвинили в совершении «антигосударственных и уголовных преступлений», затем обвинили также в «связях с Троцким, Бухариным и Рыковым, организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД, подготовке покушения на Сталина и Ежова, подготовке государственного переворота и интервенции». Расстрелян.

Командир Думенко

Думенко, Борис Мокеевич (1888— 11 мая 1920) - народный вождь, военный деятель Красного казачества, участник Гражданской войны. Выходец из семьи иногороднего крестьянина-украинца Донской области. Участник первой мировой войны. В начале 1918 года один из первых вступил в борьбу за установление на Дону советской власти. В беспрестанных боях с частями Донской армии атамана П. Н. Краснова во второй половине 1918 года Думенко активно пополнял и развёртывал свои части, вошедшие в состав Южного фронта регулярной Красной армии. В сентябре 1918 г. был назначен командиром сформированной им 1-й Донской кавалерийской бригады. Одним из первых был награжден орденом Красного Знамени. В 1919 году Думенко - командир сформированного им же Конно-сводного корпуса, в который были сведены различные части войсковой конницы. В сентябре-декабре 1919 года в составе Юго-Восточного (Кавказского) фронта этот корпус одержал несколько крупных побед над конными корпусами Донской и Кавказской армий Белых армий Юга России, захватив тысячи пленных и массу трофеев (сотни орудий и пулемётов, десятки танков и броневиков) и сыграв решающую роль в занятии Донской области. Форсировав в середине декабря Дон, Конно-сводный корпус 7 января 1920 года взял столицу белого Дона Новочеркасск.

Самоотверженно борясь за Советскую власть, Думенко не принимал политику Л. Д. Троцкого по насаждению в Красной армии жёсткого контроля комиссаров над командирами. Выступал против репрессий в Донской области комиссарами и органами ВЧК. По этой причине у него произошел серьёзный конфликт с окружением Троцкого. В феврале 1920 года, Думенко вместе с шестью ближайшими помощниками был арестован по обвинению в убийстве военкома и подготовке мятежа. Основным источником клеветы на Думенко был командир одной из бригад корпуса Дмитрий Жлоба. По пригово-

ру революционного трибунала в составе «группы троцкистов» А. Розенберга, А. Зорина, А. Чуватина, Думенко был расстрелян.

Генерал Слащев (Генерал Яша)

Слащёв-Крымский, Яков Александрович - выдающийся русский военачальник, продолжатель суворовской традиции тактики штыкового боя, генерал-лейтенант, организатор Белого движения на юге России.

Родился в 1885 году в г. Санкт-Петербурге в семье потомственного военного. Участник первой Мировой войны, к 1917 году дослужился до помощника командира полка. В декабре 1917 года Слащев присоединился к Добровольческой армии.

В 1918 году - начальник штаба партизанского отряда полковника А. Г. Шкуро. В 1919-м - командующий 3-м армейским корпусом. Пользовался непререкаемым авторитетом, любовью и уважением среди личного состава Белых армий Юга России. В ноябре 1920-го в составе Русской армии эвакуировался из Крыма в Константинополь. Многие ранения переносил практически на ногах. Чтобы уменьшить невыносимую боль от ранения в живот в 1919 году, которое не заживало более полугода, начал колоть себе обезболивающее - морфий, потом пристрастился к кокаину, отчего за ним закрепилась «слава» наркомана. После эмиграции жил в Константинополе, прозябая в нищете и занимаясь огородничеством. Слащёву благоволил и выходил с ним на контакт председатель ВЧК Дзержинский. 3 ноября 1921 года, в годовщину взятия Крыма, ВЦИК РСФСР объявил амнистию участникам Белого движения. Слащёв в Константинополе вступил в переговоры с советскими властями, был амнистирован. 21 ноября 1921 вернулся в Севастополь, откуда в личном вагоне Дзержинского выехал в Москву. В 1924 году издал книгу «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний». С июня 1920-го преподаватель тактики школы комсостава «Выстрел». 11 января 1929 года Яков Слащёв был убит выстрелом из револьвера неким Лазарем Львовичем Коленбергом, близким к окружению Троцкого. Следствие продолжалось в течение полугода. Вначале им занялось ОГПУ, поскольку не исключалась политическая подоплека убийства. Затем все материалы были переданы в Московскую губернскую прокуратуру, которая признала убийцу невменяемым. Лазарь Коленберг был выпущен на свободу. Генерал Яков Слащев стал прообразом трагической фигуры белогвардейского генерала Романа Хлудова в культовом кинофильме «Бег» советских режиссеров Алова и Наумова.

Комдив Якир

Якир, Иона Эммануилович - успешный советский военачальник, участник гражданской войны, командарм 1-го ранга. Родился 3 августа 1896 года в Кишинёве, в семье провизора. Получил образование в Базельском университете и Харьковском технологическом институте. В 1915 году, как военнообя-

занный, направлен токарем на военный завод в Одессе. В апреле 1917 года вступил в РСДРП (б). С декабря 1917 года - член исполкома Бессарабского губернского совета, член губкома и ревкома. С января 1918 года командовал красными отрядами в боях с румынскими войсками. В октябре 1918 года - член Реввоенсовета (РВС) 8-й армии, командовал группой войск. Находясь в этой должности, принимал участие в терроре против казачьего населения Дона, в частности, издал приказ о процентном уничтожении мужского населения.

В 1919-1920 годах командовал дивизией и группой войск. С октября 1920 года - начальник и комиссар 45-й стрелковой дивизии, одновременно командовал различными группами войск на Юго-Западном фронте.

После Гражданской войны командовал войсками Крымского района Киевского военного округа. Командующий войсками Киевского военного округа.

В 1930-1934 годах — член РВС СССР. На Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937-м, при обсуждении вопроса о Н. И. Бухарине и А. И. Рыкове, выступил «за исключение, предание суду и расстрел». 10 мая 1937 года переведён на должность командующего Ленинградским военным округом.

28 мая 1937 года был арестован. Обратился с письмом к И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову с заверением в своей абсолютной невинности: «Я честный и преданный партии, государству, народу боец... Я честен каждым своим словом, а умру со словами любви к Вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». Резолюция Сталина: «Подлец и проститутка».

Иона Якир признал себя виновным в участии в военно-фашистском анти-советском заговоре. 11 июня 1937 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорён к смертной казни. Расстрелян комендантом административно-хозяйственного управления НКВД В. М. Блохиным. В 1957 году реабилитирован.

Тухачевский

Тухачёвский, Михаил Николаевич - выдающийся военачальник РККА в период гражданской войны, военный теоретик, Маршал Советского Союза.

Родился 16 февраля 1893 года в семье обедневшего смоленского потомственного дворянина, окончил 1-й Московский кадетский корпус (1912). В звании подпоручика участвовал в первой Мировой войне. Попал в германский плен. В сентябре 1917 года совершил побег. Добровольно вступил в Красную армию, в июне 1918 года - командующий 1-й армии Восточного фронта. За победу над Колчаком Тухачевский был награждён Почётным революционным оружием. С 4 февраля 1920 года - командующий Кавказским фронтом, созданным специально для завершения разгрома Добровольческой армии генерала Деникина. 17 марта 9-я армия Кавказского фронта под командованием И. П. Уборевича захватила Екатеринодар, форсировала Кубань и 27 марта овладела Новороссийском.

В советско-польской войне Тухачевский - командующий Западным фронтом. В ходе июльской операции 1920 года основные силы польского Северо-Восточного фронта потерпели тяжелое поражение. В свою очередь, Юго-Западный фронт в июле нанес поражение польскому Юго-Восточному фронту, и его армии заняли Западную Украину.

На этом этапе польской кампании военные решения были полностью подчинены политической воле руководства РСФСР, успешное наступление фронтов породило в ЦК ВКП (б) ожидания полного разгрома Польши. Политическое руководство ставит перед Западным фронтом задачу овладеть Варшавой не позднее 12 августа. В свою очередь, Маршал Ю. Пилсудский подготовил польское контрнаступление с рубежа р. Вепш. 14 августа 5-я армия генерала В. Сикорского нанесла контрудар 4-й армии Западного фронта и разбила её. 16 августа Средний фронт перешёл в контрнаступление против левого фланга Западного фронта и в первый же день разгромил прикрывавшую его Мозырскую группу, которая не успела даже сообщить в штаб фронта о польском наступлении. 17 августа Тухачевский приказал своим северным армиям начать отход, однако отступление приняло беспорядочный характер. Часть войск оказалась окружена и попала в плен или была интернирована в Восточной Пруссии. В марте 1921 года был заключен мир, по которому за Польшей остались Западные области Украины и Белоруссии.

Поражение Западного фронта в Варшавской операции и споры об ответственности РВС Юго-Западного фронта за её исход, по мнению многих исследователей, повлияли на судьбу М. Н. Тухачевского в 1937 г.

5 марта 1921 года Тухачевский назначен командующим 7-й армией, направленной на подавление восстания гарнизона Кронштадта. К 18 марта восстание жестоко подавлено.

В 1921 вспыхнуло крупнейшее в РСФСР крестьянское восстание в Тамбовской губернии. Политбюро ЦК в начале мая 1921 г. назначает Тухачевского командующим войсками Тамбовского округа с задачей полностью подавить его в кратчайшие сроки. Согласно разработанному Тухачевским плану, восстание было в основном подавлено к концу июля 1921 года.

Из Приказа Тухачевского № 0116 от 12 июня 1921:

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нём пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальнику боевых участков настойчиво и энергично выполнить настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский»

В ноябре 1925 года, после смерти Фрунзе, Тухачевский становится начальником Штаба РККА. С 1926 года Тухачевский, заместитель наркома по военным и морским делам. С 1928-го по июнь 1931-го — командующий Ленинградским военным округом. В ноябре 1935-го Тухачевскому присвоено высшее воинское звание - Маршал Советского Союза, и он назначен 1-м заместителем наркома обороны.

Весной 1937 года Тухачевский был арестован. В ходе следствия Тухачевский признал себя виновным в подготовке военного заговора в РККА, целью которого было насильственное свержение власти и установление в СССР военной диктатуры. 11 июня 1937-го дело по обвинению Маршала Советского Союза Тухачевского было рассмотрено в закрытом судебном заседании без участия защитников и без права обжалования приговора. В 23 часа 35 минут был оглашён приговор - смертная казнь. Сразу же после этого Тухачевский был расстрелян в здании Военной коллегии Верховного суда СССР.

В 1956 году Тухачевский был реабилитирован.

Уборевич

Уборевич, Иероним Петрович (Jeronimas Uborevičius) - советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга. Родился 2 января 1896 года в Ковенской губернии в семье литовского крестьянина. Закончил Константиновское артиллерийское училище. Участвовал в боях первой мировой войны. Член РСДРП(б) с марта 1917-го. В январе-феврале 1918 года - командир отряда красной гвардии в Бессарабии, воевал против румынских и австро-германских войск. С августа 1918-го на Северном фронте. С 11 октября 1919 года командует 14-й армией Южного фронта, отражавшего наступление Добровольческой армии генерала Деникина на Москву. 29 февраля 1920-го назначен командующим 9-й армией Кавказского фронта (командующий фронта М. Н. Тухачевский) и принимает участие в окончательном разгроме Добровольческой армии Деникина на Кубани. В польской кампании 1920 года Уборевич командует 14-й армией Юго-Западного фронта, которая участвует в июньском контрнаступлении фронта. Помощник (заместитель) командующего Вооружёнными Силами Украины и Крыма Фрунзе Михаила Васильевича. В апреле-мае 1921-го Уборевич - заместитель командующего войсками Тамбовского района Тухачевского при подавлении крестьянского восстания («антоновщина»), затем командующий войсками Минской губернии при подавлении крестьянских выступлений в Белоруссии. В 1925-1927 гг. - командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В 1929 г - командующий войсками Московского военного округа. С апреля 1931-го по 1937 год - командующий войсками Белорусского военного округа.

29 мая 1937 года был арестован. Закрытым судом осужден и расстрелян. В 1957 году был реабилитирован.

Латышские стрелки

Красные латыши, **специальные военные части национального состава** (Latviešu strēlnieki) – одни из наиболее верных Советской власти и боеспособных воинских подразделений, сыгравших значительную роль в Гражданской войне. Личный состав стрелковых частей, сформированных в 1915 году во время первой Мировой войны из жителей Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний, в 1916 году сведен в Латышскую стрелковую дивизию.

После Октябрьской революции латышские стрелки перешли на сторону большевиков. Являлись самым крупным национальным военным образованием на службе в Красной армии. Использовались как исключительно боеспособная сила на службе революции. Общая численность 80 тысяч человек. Дивизии латышских стрелков широко применялись по всему фронту Гражданской войны. Части латышских стрелков отличались железной дисциплиной, использовались для подавления восстаний против большевиков в ряде городов (Ярославль, Муром, Рыбинск, Калуга, Саратов, Новгород и др.) Многие командиры латышских стрелков, занимали в СССР руководящие посты в Армии и Правительстве.

Петлюра

Петлюра, Симон Васильевич (Симон Васильович, (Василійович)) - выдающийся украинский политический и военный деятель, глава Директории УНР (Украинской Народной Республики) с 1919 по 1920 год.

Родился 10 (23) мая 1879 года в Полтаве. Учился в Полтавской духовной семинарии. В 1900 году вступил в Революционную украинскую партию. Работал журналистом, придерживался лево-националистических взглядов, был одним из основателей и лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии.

В декабре 1917-го из добровольцев, преимущественно старшин и казаков киевских военных школ, сформировал военную часть Гайдамацкий кош, став его атаманом.

После установления диктатуры гетмана Скоропадского (Украинской Державы) был в оппозиции к новому режиму. В ноябре 1918 года поднял восстание против Скоропадского. 14 декабря 1918 года Украинская Народная Республика была восстановлена. С 10 февраля 1919 года Петлюра фактически стал единоличным правителем Украины. Весной того же года, пытаясь остановить захват Красной Армией всей территории Украины, реорганизовал армию УНР. Вел активные переговоры с представительствам Антанты о возможности совместных действий против большевистской армии, однако успехов не достиг. В 1920 году, после падения Западно-Украинской Народной Республики, Симон Петлюра от лица УНР заключил договор с Польшей о совместном походе на Киев, с целью изгнания советских войск. После разгрома польско-петлюровских войск Петлюра эмигрировал в Польшу.

Симеон Петлюра был убит 25 мая 1926 года в Париже Самуилом Шварцбардом - еврейским поэтом, публицистом и анархистом, известным под псевдонимом «Бал-Халоймэс» (Мечтатель), уроженцем города Измаил, в отместку за организацию еврейских погромов на Украине. Известно, что 15 родственников Шварцбарда, включая родителей, были убиты на Украине петлюровцами во время еврейских погромов (об этом также пишет Еврейская энциклопедия). Существует также версия о причастности ГПУ к организации убийства Петлюры. Французским судом присяжных Шварцбард был полностью оправдан.

В честь Симона Петлюры названы улицы в Киеве, во Львове и в других городах Украины.

Українские сече́вы́ стреле́цы́ – военная опора Украинского правительства Симеона Петлюры. УСС, Українські Січові Стрільці.

Первоначально бригада Украинских Сечевых Стрельцов в составе армии Австро-Венгерской империи была сформирована по национальному признаку во время первой мировой войны. В нее вошли наиболее боеспособные части армии Украинской народной республики. Сечевые Стрельцы именовались в простонародье **Гайдама́ки** (от турецкого *haydımak*, «нападать») - по названию участников украинских повстанческих вооруженных отрядов на принадлежавшей Речи Посполитой Правобережной Украине в XVIII веке. Чтобы как-то отличаться от других украинских формирований, гайдамаки ввели особую униформу: широкие штаны, кожаные полушубки коричнево-красного цвета и бараньи папахи с красными шлыками.

Сигуранца

Сигуранца (*siguranță*) — тайная полиция в королевстве Румыния, существовавшая с 1921 по 1944 годы. Главной целью сигуранцы была борьба с партиями и организациями, признанными властями подрывными и опасными. Прекратила своё существование после вступления советских войск на территорию Румынии в 1944 году.

Директорами Сигуранцы были: Михаил Морозов (1887 - 1940), с 1924-го по 1940 год и Эужен Кристеску (1895 - 1950), с 1940 –го по 1944 год.

По неполным данным, сигуранцей с 1924-го по 1944 год было репрессировано более 75 000 человек.

После провозглашения Румынской Народной Республики обязанности сигуранцы были возложены на тайную полицию «секуритате».

Руководитель секретной службы

Михаил Морозов возглавлял секретную службу Румынии «Сигуранца» с 1924 по 1940 год. Руководитель сигуранцы родился в семье русского священника 8 ноября 1887 года в селе на берегу Дуная, где до сих пор проживают русские потомки раскольников, бежавших сюда в XVIII веке. Дерзкий и на-

ходчивый авантюрист, он быстро сделал карьеру во время первой мировой войны, когда он был агентом Генерального штаба Румынии. Он занимался вербовкой активистов революционных комитетов русской армии, которые склоняли к дезертирству румынских солдат, имевших русское и украинское происхождение. Так ему весьма пригодились его русские корни.

В двадцатые годы Морузов переориентировал Сигуранцу на борьбу с советской агентурой и большевистским подпольем в Бессарабии. Зарекомендовал себя как мастер политической провокации, организатор ряда политических убийств видных подпольщиков. В СССР румынская разведка рассматривалась наряду с польской Дефензивой, французской Сюрте Женераль и британской Интеллидженс Сервис в качестве главного противника. Происхождение и склонность к авантюрам, в конце концов, погубили Михаила Морузова. Ярый антикоммунист, в 1940 году он был арестован и расстрелян по ложному обвинению в сотрудничестве с НКВД.

Михаил Фрунзе

Фрунзе, Михаил Васильевич - профессиональный революционер, выдающийся советский государственный и военный деятель, один из наиболее крупных военачальников Красной армии, руководитель РККА на фронтах Гражданской войны, военный теоретик мирового уровня. Подпольные партийные псевдонимы: Трифоныч, Арсений, литературные псевдонимы: Сергей Петров, А. Шуйский, М. Мирский.

Родился 2 февраля 1885 года в Семиреченской области; умер во время операции 31 октября 1925 года в Москве. Сын фельдшера, молдаванина Василия Михайловича Фрунзе.

Впервые познакомился с революционными идеями в кружке самообразования, учась в гимназии в городе Верном. В 1904 году поступил в Петербургский политехнический институт, вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. В Кровавое воскресенье 9 января 1905 года участвовал в манифестации на Дворцовой площади в Петербурге, был ранен в руку. Позже Михаил Васильевич признавал, что именно это событие привело его в «генералы от революции». В период революции 1905 года во главе боевой дружины иваново-вознесенских рабочих участвовал в Декабрьском вооружённом восстании 1905 года в Москве. Делегат IV съезда РСДРП от Иваново-Вознесенской окружной организации. Дважды в 1909 и 1910-м годах приговаривался к смертной казни, которая была заменена 10 годами каторги.

В апреле 1916 года Фрунзе по заданию своей партии под фамилией Михайлов поступил на должность статистика в комитет Западного фронта. С июля по август 1917 года Михаил Фрунзе - председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В дни восстания в Москве в октябре 1917 года участвовал в боях у здания гостиницы «Метрополь». В первой половине 1918 года - военный комиссар

Иваново-Вознесенской губернии, с августа 1918-го - военный комиссар Ярославского военного округа. В феврале-мае 1919 года - командующий 4-й Армией, в мае-июне - Южной группой войск Восточного фронта, с июля - всем Восточным фронтом. За осуществление успешного наступления против главных сил адмирала А. В. Колчака был награждён орденом Красного Знамени. В августе 1919 - сентябре 1920 года - командующий Туркестанским фронтом. Сторонник «организации» революции в Бухарском эмирате путём вторжения Красной Армии, руководил штурмом Бухары. С 27 сентября командовал Южным фронтом, организатор разгрома войск генерала П. Н. Врангеля в Северной Таврии и в Крыму. Борьбу с врангелевцами вёл совместно с Повстанческой армией Н. И. Махно, с которым в октябре 1920 года подписал соглашение «о единстве действий против белых войск» и установил хорошие личные отношения. После штурма Перекопа послал врангелевским войскам телеграмму, предлагавшую им свободно покинуть Крым в обмен на прекращение сопротивления; воззвание, однако, было утаено Врангелем. 3 декабря 1920 года назначен уполномоченным Реввоенсовета на Украине и командующим вооружёнными силами Украины и Крыма, одновременно избран членом Политбюро ЦК КП(б)У, с февраля 1922 года заместитель председателя СНК УССР.

По распоряжению из Москвы руководил разгромом Повстанческой армии Н. И. Махно. В ноябре 1921 года возглавлял Чрезвычайное посольство в Анкару для установления отношений между Украиной и Турцией, лично вел переговоры с Мустафой Кемалем.

С марта 1924 года - заместитель председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, с апреля 1924 года - одновременно начальник штаба Красной Армии и начальник Военной академии. С января 1925 года - председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам.

Под руководством Фрунзе проводилась военная реформа - сокращение численности армии, введение принципа единоначалия, реорганизация военного аппарата и политического управления Красной Армии, сочетание в структуре вооружённых сил постоянной армии и территориальных милицейских формирований. Военная доктрина, разработанная Фрунзе, строилась на применении марксизма к военной теории.

В годы Гражданской войны неоднократно давал гарантии безопасности от себя лично тем противникам Советской власти, кто добровольно сложит оружие и явится с повинной в ЧК - зауральским казакам, офицерам армии в Крыму, бухарским «басмачам», махновцам.

Воробьёв, Владимир Петрович – известный ученый-анатом, академик АН Украинской ССР с 1934 года. С 1917 по 1937 год руководил кафедрой анатомии Харьковского университета. В. П. Воробьёв как истинный сын науки

свое тело завещал местному медицинскому институту, где урна с его прахом и хранилась. Разработал стерео-морфологические методы препарирования. В 1924 году совместно с Б. И. Збарским разработал метод бальзамирования тел умерших. Участвовал в бальзамировании тела В. И. Ленина и Г. И. Котовского. Организовал в Харькове первый и единственный в мире «Музей становления человека», создал оригинальный «Атлас анатомии человека»

Город Котовск - Улица Котовского - Три города на территории СССР были названы в честь Григория Котовского.

Котовск - с 1965-го по 1990 год - название города на родине Котовского в Молдове, ныне районный центр Хынчешть.

Котовск - город в Одесской области Украины (бывший город Бирзула), где Котовский был похоронен.

Котовск - город в Тамбовской области России.

В Волгоградской области РФ - поселок имени Котовского - центр административного района.

В Санкт-Петербурге - улица Котовского.

Улица Котовского - одна из центральных улиц города Белгорода-Днестровского (Украина).

Микрорайон Котовский в городе Одесса (Украина).

Мартиролог:

Дроздовский Михаил Гордеевич умер от гангрены в 1919 году.

Каретник Семен Никитич предательски убит в 1920 году.

Думенко Борис Моисеевич расстрелян по ложному обвинению в 1920 году.

Мамонтов Константин Константинович умер в госпитале при загадочных обстоятельствах в 1920 году

Май-Маевский Владимир Зенонович, не пережив поражения, застрелился в 1920 году.

Пархоменко Александр Яковлевич убит во время налета Махновцев в 1921 году.

Котовский Григорий Иванович убит в 1925 году при загадочных обстоятельствах.

Фрунзе Михаил Васильевич умер на операционном столе в 1925 году.

Петлюра Симон Васильевич убит из соображений мести в 1926 году.

Слащев Яков Александрович убит из соображений мести в 1929 году.

Махно Нестор Иванович умер в Париже от ран и депрессии в 1934 году.

Ягода Генрих Григорьевич расстрелян в период политических репрессий в 1937 году.

Якир Иона Имануилович расстрелян в период политических репрессий в 1937 году.

Уборевич Иероним Петрович расстрелян в период политических репрессий в 1937 году.

Тухачевский Михаил Николаевич расстрелян в период политических репрессий в 1937 году.

Жлоба Дмитрий Петрович расстрелян по ложному обвинению в 1938 году.

Берзин Ян Карлович расстрелян по ложному обвинению в 1938 году.

Троцкий Лев Давидович убит агентом советской разведки в 1940 году.

Морозов Михаил расстрелян по ложному обвинению в 1940 году.

Булак-Балахович Станислав Никодимович убит агентами гестапо в 1940 году.

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Обычно перед текстом своего произведения автор говорит с читателем. Не ради нарушения этой традиции, но для того, чтобы читателю было легче выработать мнение о рассказанной мною истории, и вынес я свое обращение к нему в послесловие...

Тем более, как мне кажется, после прочтения у особо пытливых и все сведущих книголюбцев неизбежны вопросы и критические стрелы в адрес автора.

Признаюсь, многое в этом сочинении чистая фантазия и авторский домysel.

Увы, есть в прошлом тайны, которые в их фактологическом изложении вряд ли когда-нибудь станут нам доступны. Особенно это касается политических убийств. А именно таковым, я уверен, и было успешное покушение на жизнь сколь выдающегося, столь и далекого от морализаторских канонов деятеля, каковым был Григорий Котовский.

Его насыщенная действием жизнь, действием не просто активным, но сопряженным с неприкрытым вооруженным насилием, в общем-то, вписывается в те реалии, которыми изобилдовал начинавший свое кровавое шествие по планете XX век. Это было время крушения империй и краха монархий. Революции рушили рамки сословных ограничений, и на политической сцене появлялись вожди и энтузиасты, за которыми шли тысячи и тысячи жаждущих перемен людей. В жуткой круговерти Гражданской войны на территории бывшей Российской империи имя Котовского не только не затерялось, но и стало предметом обильной послевоенной мифологии. К сожалению, спекуляций, связанных с именем Котовского, со стороны авторов, следовавших

методам социалистического реализма в рамках классового подхода, возникло куда как больше, чем сочинений о том, каким этот могучий характер был на самом деле.

Версия политического убийства, мною изложенная, может быть вами принята, но если вы ее отвергнете, то это меня нисколько не обескуражит. Я знаю, что убедительных версий обстоятельств гибели человека, прошедшего все возможные круги ада и не останавливавшегося перед применением последнего аргумента в схватке за жизнь, до сих пор нет. Учитывая фактор времени и привычку специальных служб убирать свидетелей и уничтожать архивы, эти убедительные свидетельства вряд ли появятся в будущем.

Поэтому предложенная мной не научная, а художественная история гибели Григория Котовского сегодня мне кажется наиболее приемлемой. Она не оскорбляет памяти этого противоречивого, но яркого человека. Думаю, не оскорбит она и родственников его, людей в высшей степени достойных, отдавших себя служению Родине и науке.

Так случилось, что окончена эта книга была в канун Светлого Христова Воскресения, в апреле, когда вся природа от маленькой пичужки до появляющегося из почки листика радуется жизни и готовится к ее воспроизведению. Подвиг Спасителя нашего Иисуса Христа, составляет в который раз задуматься над тем: **Что такое прошлое? Какова связь времен? «Кто более истории матери ценен»? Какова мера добра и зла?**

В этом сочинении много имен. Это исторические личности, подчас не менее яркие, чем сам Григорий Иванович. Часто, в ближайшем рассмотрении, они еще и выдающиеся злодеи, каратели и кровопийцы (если судить их с христианской точки зрения). И в таком ракурсе оправданий тому, что творили в ту пору Махно и Пархоменко, Ягода и Берзин, Троцкий и Сталин, конечно, нет...

Но так уж устроен мир, что перед людьми активными, идущими на слом старых общественных порядков так или иначе возникают обстоятельства, когда невозможно не действовать, а, действуя, неизбежно навлекать на себя вину.

Вина их безмерна, а судьба порой страшна! Котовский убит, Махно умер от ран и тоски, блестящего белого генерала Дроздовского свои же соратники довели до гангрены, Фрунзе загадочно погиб под ножом

хирурга, Берзин расстрелян в проклятом 38-ом. Троцкий пал под ударом ледоруба, по заказу Сталина...

Во имя чего все эти жертвы, кровь, бешенство карателей и погромщиков, репрессии, убийства?

«Век уходит, и век приходит, и нет ничего нового под солнцем! – сказано в Книге Экклезиаста, – не помнят о том, что было потому и говорят – Вот новость! – А оно уже было под солнцем в час, когда властвовал человек над человеком ему на беду!»

Власть и стремление к ней испокон веков двигают активными людьми. Кто-то жаждет устроить новое, ранее невиданно справедливое общество и ради этого готов убивать и рушить. Другой, напротив, неистово защищает дорогой своему сердцу рушащийся мир, при этом отправляя на виселицу всех, кто, по его мнению, опасен и подозрителен. Все это уже было!

И никто из тех, кто жаждал устроения Царства Добра или Сытости, а сегодня уже Секса и Праздности не вспомнит о том, что Царство вечного блаженства, Царство Божье ждет нас в иной, отличной от земной, вечной жизни, да и то не всех. А земной путь, так или иначе, конфликтен и труден, и, учитывая обязательный процент рождающихся во все времена глупцов, не может быть однозначным и единственно верным путем организации гармоничного общества.

Но, впрочем, каждый выбирал, выбирает и будет выбирать для себя сам свой путь.

Так было и так будет!

Но, как бы там ни было, надо помнить! Помнить о тех, кто не сидел, сложа руки, а шел вперед! Помнить, всех - белых и красных, честных и корыстолюбивых, героев и подонков. Всех кто был до нас.

Помнить!

Михаил Лупашко

16.04.2012 года.

CZU 821.161.1(478)-34

Л 85

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Лупашко, Михаил

Бессарабецъ... / Михаил Лупашко. – К.: Б. и., 2012 (Tipogr. "Elena-V.I."). – 116 p.
200 ex.

ISBN 978-9975-4346-3-8.

821.161.1(478)-34

ISBN 978-9975-4346-3-8.

© Михаил Лупашко

Типография „*Elena-V.I.*” ООО
Молдова, г. Кишинэу
ул. Академическая, 3
тел.: + /373 22/ 72 50 26